

Эллиот Гант

Чужое черту не продать

Эллиот Гант

Чужое черту не продать

«Издательские решения»

Гант Э.

Чужое черту не продать / Э. Гант — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963829-8

Мир раскололся и подошел к своему завершению. Можно ли это изменить? Может ли это изменить один человек? А группа людей? Что должно быть сделано, чтобы Творец передумал ставить крест на своем творении и дал ему еще один шанс? Двум лучшим друзьям предстоит ответить на эти вопросы, изменив свои и чужие жизни.

ISBN 978-5-44-963829-8

© Гант Э.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Шаг первый	9
Шаг второй	18
Шаг третий	33
Шаг четвертый	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Чужое черту не продать

Эллиот Гант

Автор: Эллиот Гант

Иллюстрации: Ксения Григорьева

Иллюстратор Ксения Григорьева

© Эллиот Гант, 2019

© Ксения Григорьева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3829-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог

Он очнулся, потому что был Должен. Воздух с силой протолкнулся в легкие, выжигая нутро не хуже расплавленного золота, но изо рта не вырывался даже кашель, так слабы были мышцы, и так суха была гортань. Хрип, такой тихий, что его мог бы заглушить даже мышинный писк, вот и все на что мог рассчитывать этот вернувшийся из-за Последней Черты. Он лежал скрючившись, как эмбрион, а его некогда сияющая кольчуга и мягкая нижняя одежда превратились в поломанную ржавую труху и прах. Раскосые глаза – два янтарно-желтых, живых пятна на мертвом лице – распахнулись от ужаса и теперь с надеждой впивались в очертания мира, но боль белой пеленой застелила все вокруг. Может, это было и к лучшему. Темный, промозглый, глухой мир не предвещал ничего хорошего. Здесь – не то в пещере, не то в заброшенных руинах – было высушено, и пахло затхлостью. Запах стал настолько старым и пыльным, что даже не внушал отвращения. Звуков не было никаких. Совсем. Не капала вода, не шуршали крысы или жуки, здесь царила Пустота и Смерть. Не та, которая приходит, как освобождение, и не та, которая стелет под ноги дорогу через Последнюю Черту, а абсолютная, необратимая и... конечная. Такая, после которой ничего нет, и именно от того она так страшна. Разве что -то могло потревожить такую Пустоту? Что -то могло нарушить ее угрожающий покой? Наверное, только Долг, который звал так сильно и так яростно, что даже Огненная Крыса – смерть – отступила в безмолвной покорности, но лишь для того, чтобы дожидаться, когда будет уплачено по счетам, и вернуться за тем, кто смог от нее ускользнуть.

Очнувшийся смог, наконец -то сделать настоящий и глубокий вдох. Такой, что забывшие кислород легкие едва не лопнули. Мужчина захрипел, в гулкой тишине раздался кашель, такой же сухой, как его выцветшая и посеревшая кожа, после он захрипел снова. Боль накачивала волнами. Внутренности жег огонь медленно разгоняющейся крови, сердце как бешеное стучало о ребра, толкая ее все дальше и дальше, грудная клетка была готова вот-вот взорваться. Снаружи ледяными иглами боль протыкала задеревеневшие мышцы, крутила суставы, глодала кости.

Он заорал бы, если только мог, но с губ опять сорвался лишь стон. В нем было столько печали и тоски, что даже эхо не ответило на этот звук, и мужчина потерял сознание. Когда он снова пришел в себя – через мгновение или через века – боль потихоньку отступила, но прошло очень много времени, перед тем, как он рискнул пошевелиться.

Долг звал снова, также яростно, как и в первый раз, но теперь было что -то еще... Печаль? Тревога? Надежда? Очнувшийся не знал, не помнил. Не помнил ничего из своей жизни. Сумбурные образы, отрывки иллюзий, все это было слишком расплывчато и хаотично, ни одну мысль не удавалось поймать за хвост, да он и не хотел.

Вдруг где -то под сердцем кольнуло. Не сильно, нет, скорее тепло и как -то по родному. Приятный жар пошел дальше, прогрел живот, ноги, внутреннюю сторону рук, заставляя приливы боли отступить, а мышцы – эти древние, омертвевшие мышцы налиться силой.

Мужчина пошевелился – неловко, неуверенно, словно не совсем понимая, как это делается, мотнул головой. С его спутанных густых волос, непонятного от грязи цвета, посыпалась пыль. Нежное пламя возле грудной клетки разгоралось, и очнувшийся попытался разогнуть спину, потянул вниз ноги. Иголочки впелись в затекшие мышцы, но тепло, все набирающее силу уже в районе живота, заставило их отступить. Мужчина облегченно вздохнул и в благодарности опустил глаза, ища источник жара.

В его объятиях, крепко скованная его телом, излучала мягкий свет полупрозрачная, словно стеклянная сфера, в глубине которой клубились золотисто-охряные всполохи. Она была теплая и очень большая. Свернувшись калачиком, мужчина чувствовал ее касание и туловищем, и руками, и коленями, а теперь, выпрямившись на жестком земляном полу, ему требовались обе руки, чтобы удержать ее.

Чуть вытянутая с противоположных концов, и словно утяжеленная с одной из сторон, она светилась все ярче, выхватывая у темноты еще больше пространства узкой пещеры – крупные камни стен, низкий, поваленный потолок, песок и мелкое гранитное крошево на полу. Некогда величественные, а сейчас треснутые и разбитые, колонны лежали здесь же, но узнать их можно было только по остаткам резных капителей. Трещины рассекали камни, как молния пересекает небо, пуская по ним немислимые, грубые узоры. Изломанные линии словно показывали, как когда-то давно были безжалостно и легко порушены эти стены.

Мужчина неуклюже попытался перевалиться на спину, или сесть. Закашлялся, теперь из-за пыли, которая поднялась с песка и заколола нос и глаза. Повел рукой, ища опору. Опять дернулся, еще раз. Возле бедра, что-то сухо щелкнуло – раскрошился небольшой, с кулак, кусок витого бордюра, что когда-то украшал стены этого храма.

Мужчина замер, казалось, даже затаил дыхание. Храма? Он в Храме? Да, это он знал точно, но остальное... Лучи воспоминаний прорезали сознание, но так и не дали зацепки, ответы ускользнули.

Он глубоко вздохнул и, приподнявшись на дрожащем от напряжения локте, сел. Смена положения произошла слишком резко. Голова со стуком встретилась с потолком, после чего послышался свистящий стон боли и досады. Очнувшийся перевел взгляд вверх. Тяжелые плиты нависая над головой грозились того и гляди раздавить невесть как оказавшегося здесь... Кого? Человека? Ой-ли... беглеца? Возможно, но сознание услужливо шепчет другое слово. Беглец оставит дом и окажется за тысячи миль от родины сам. Под гнетом обстоятельств, но сделав выбор... Кто же не решает судьбу своего путешествия? Тот, кто... Изгнан...

Мужчина горестно хмыкнул, проводя рукой по шее. Пальцы наткнулись на тонкую цепочку. Пробежав по ней, они остановились на грубо высеченном минерале, закованном в точенную оправу. И это очень важно... Так важно, что в груди рождается боль, такая, которую оставляет за собой потеря. Мужчина одернул руки и прижал ладони к идеально гладким бокам матово-стеклянной сферы. Та моментально ответила теплом и мягким свечением, идущим из самого ее нутра... Сознание ищет что-то на поверхности памяти, выхватывая причинно-следственные связи, но не желает трогать суть. Лишь то, что может коснуться выполнения Долга имеет значение. Прошлое и будущее отброшены, как мусор. Не важно, кем ты был и кем станешь. Важно, что ты будешь делать – прямо здесь и прямо сейчас.

Мужчина тряхнул головой, как уставший пес. Виски заныли от безуспешных, но упрямых поисков ответов. Увы, мозг наткнулся на такие стены, которые порушить был не в состоянии.

Вдруг, отвлекая от ненужных мыслей, сфера в руках начала мелко вибрировать. Послышался тихий треск, словно лопнула очень тонкая скорлупа. На безупречной глади матового стекла проступили синие, как вены, трещины. Всего на мгновение, но не прошло и пары вздохов, как они появились снова, более толстые и длинные, задержались дольше, хрустнуло сильнее. Переливающийся внутри свет пошел рябью, тепло, греющее ладони стало жаром, но мужчина, как замороженный смотрел на происходящее перед ним волшебство, не смея сделать вдох. Он словно смутно понимал, что именно сейчас должно произойти и замер в предвкушении... Трещины появились еще раз, запульсировали и застыли, хаотичное движение охряного света под гладью хрупкого стекла замерло, а спустя миг, более узкий край сферы вдруг раскрылся, как бутон баирских лилий, и из него лучом ударил свет. Мужчина зажмурился чуть раньше, не позволив вспышке ослепить себя. Хруст ломающегося стекла заполнил все пространство разрушенного зала, эхом проносясь куда-то в глубину пещер.

Мужчина судорожно сжимал в руках сферу, зажмурившись изо всех сил, но не почувствовал тот момент, когда пальцы перестали ощущать стекло и уткнулись в мягкую, живую плоть, такую же горячую, как только что опаленный металл. Шара больше не было, но посмотреть, что осталось на его месте, мужчина боялся.

Когда он, наконец, с опаской приоткрыл один глаз, то, что сжимали его руки, возмущено пискнуло, а затем по погруженному в темноту залу волной прокатился самый обычный детский плач.

Шаг первый

Огненный диск висел почти над башнями замка. Он лизал горячим языком розовый мрамор дворцовых стен и гранит Внутренней стены столицы. В этот предполуденный час на улице Харота рискнул бы остаться только самый смелый – разноцветные палатки уличной ярмарки на торговой площади были собраны, овощные телеги накрыты тентом из хансулатской холщевки до самого вечера, скот убрали со двора еще за час до того, как жара стала совсем нестерпимой. Месяц молодого пламени – первый месяц лета – был в самом разгаре, и ни для кого не было секретом, какой жалящей в этот период была ласка дневного светила. Южная территория владений Наместника Баспарта вымирала на несколько самых горячих часов, чтобы приняться за работу вновь, сразу, как с моря потянет прохладой.

На территории дворца густо плескался мягкий запах белых лилий Баира, раскрывших свои жемчужные лепестки прошлой ночью. Острый аромат гвоздики мешался с розмарином и горьковатым привкусом миндального дерева. На ступеньках плетеной деревянной беседки, увитой диким виноградом, сидел единственный наследник Наместника и палочкой царапал на земле какие-то каракули. Ребенок был невероятно худым, почти болезненным, светлая рубашка и штаны с золотыми узорами висели на нем, как мешок. Черты лица были настолько тонкие и хрупкие, что казалось их можно было поломать, едва дотронувшись. В то же время он был необычайно красив. Правда красота была не мужественная, а наоборот очень нежная, девчачья. Если бы бледно русые локоны были бы чуть длиннее, наследника можно было бы легко принять за девочку.

За его спиной, уцепившись ногами за самую высокую деревянную балку беседки, верх тормашками висел бес. Самый настоящий, в точности такой, как описывает его библиотечная литература. Высокий, для своих пятнадцати лет, тонкий и гибкий, весь покрытый короткими иссиня-черными волосами. Скуластое лицо украшали широко посаженные черные глаза и плоский нос с большими ноздрями, довершали картину маленькие, словно подпиленные, слегка щербатые рожки. Бес качнулся и из-за его спины показался хвост, лоснящийся и замшевый, как у крысы, с острым роговым наростом на самом кончике. Он щелкнул им словно хлыстом, и хмыкнул, увидев, как белокурый наследник на крыльчке вздрогнул. Палочка в его руке дрогнула, и очередная загогулина вышла криво. Наследник нахмурился.

– Берк, я же рисую, – мягко, почти нежно пожурил он беса, помотав головой. От этого его светло-пшеничные, локоны смешно подпрыгнули.

Черт улыбнулся, обнажив два острых нижних клыка и щелкнул хвостом еще раз.

Наследник Наместника вздрогнул, обернулся и, задрав голову, посмотрел на друга. В его огромных кристально-голубых глазах плескалось целое море обиды.

– Ну чего ты? – спросил он.

Берк пожал плечами и ловко перехватившись рукой за другую балку спрыгнул на пол беседки, совсем рядом с мальчиком.

– Мне скучно, Малкут, – сухо проинформировал он.

– Порисуй со мной, – миролюбиво предложил наследник, но бес только недовольно сморщил плоский нос.

– Ск-у-у-учно, – мерзко гнусавя протянул он, но его товарищ только пожал плечами.

– Мне нравится.

Берк задумался. Как и всегда в такие моменты кончик его хвоста едва заметно подергивался.

– Может, салки? – наконец предложил он, и в его глазах появилась надежда, но друг только вздохнул.

– Мне нельзя на такое солнце, ты же знаешь, – белокурый наследник подтянул к себе коленки и продолжил выводить на земле непонятные фигуры.

– Мне нельзя на такое солнце, – передразнил бес, делая смешную рожу, – правильное у тебя имя, Малли, ты все время МЯМЛИШ!

Малкут грозно сдвинул брови и, отбросив палочку, встал. Обернувшись к бесу, он упер тоненькие руки в бока и, разделяя каждое слово, произнес:

– Мое имя A'lex'Malkutt, ты, невежа! Это означает – Подобный Дракону, понятно тебе?! И я не мямлю!

Черт нахмурился и молча принял боевую стойку, наследник, не мешкая и мгновения, сделал то же самое. Спустя вздох они уже катались по лужайке в тени низкой раскидистой яблони и мяли друг другу бока.

Драка было совершенно ненастоящей. Берк не только не пытался причинить Малкуту боли, но и еще следил, чтобы тот случайно не выкатился на солнце.

– Я, я, я сдаюсь! – прохрипел, запыхавшийся от возни бес, когда наследник Наместника оказался верхом на нем.

– Громче! – требовательно проговорил Малкут, его лицо искажал едва сдерживаемый смех.

– Я сдаюсь, о непобедимый Подобный Дракону, сын Баспарта – правителя Асханны, – откинув голову, торжественно произнес Берк, – сдаюсь во славу победителя!

– Теперь, – Малкут подобрал с земли веточку, которой до этого рисовал свои каракули; он был невероятно комичен со своей показной напыщенностью и торчащими из волос травинками, – теперь, сын Огненной Крысы, ты будешь приговорен к высшей мере наказания за то, что усомнился в своем будущем правителе. Ты, – палочка почти коснулась широкого носа и Берк смешно скосил глаза, – ты будешь водить в прятки до конца своих дней!

На лице беса появилась нечеловеческая мука, он едва ли не завыл.

Малкут поднялся на ноги, отряхнул запачканную тунику и протянул Берку руку, тот, все еще глядя на товарища с тоской поднялся, опершись на его ладонь всем телом. Наследник крикнул, но устоял. Пожал плечами.

– Или я буду водить, – улыбаясь от уха до уха, проговорил он.

Берк приобнял Малкута за плечи, и похлопал по тонкой, впалой груди.

– Что бы там ни было, но ты, Подобный Дракону, настоящий друг!

Наследник просиял, а на щеках выступил легкий румянец.

– Но сначала... – заговорщически подмигнул бес, указывая пальцем куда-то вверх, – пора!

И, не сговариваясь, они выпрыгнули из-под защищавшей их тени прямо на солнце. Огненный диск завис в зените, и сиял прямо над макушками друзей. Оба подростка в молчании устали себе под ноги. Сейчас, в полдень, тень Берка лежала под ногами таким образом, что ее не было видно, и Малкут, у которого с рождения не было тени, на короткое время стал таким же, как все.

Дети были знакомы едва ли ни с рождения. Наследник трона и бездомный нечестивый, незнамо как оказавшийся по эту сторону Разлома столкнулись, когда бес воровал яблоки в саду Наместника. В ту ночь, когда месяц синего пламени сменялся первым осенним днем, Берк без труда проник на территорию дворца, и, прячась в густых тенях, щедро разбросанных по покрытой росой траве, прокрался к яблоне-рассаде. Юного наследника он заметил только в тот момент, когда старая, второпях стянутая через голову рубаха была уже полна спелых красных плодов и готова вот-вот порваться. Малкут, затаившийся в беседке, куда бежал от пристального надзора нянечек, смотрел на настоящего живого бесенка огромными озерными лазурными глазами, и боялся даже вдохнуть. Берк же заметил его слишком поздно, чтобы слиться с тенью

и тоже уставился на хрупкое создание во все глаза. Кончик его черного хвоста едва заметно вздрагивал.

– Привет, бес, – голос наследника был мягким и звонким, несмотря на то, что шестилетний ребенок явно не на шутку испугался – Берк чувствовал солоноватый запах страха.

– Привет, мальчик, – с хрипотцой ответил бесенок.

Он был всего парой лет старше наследника и такое приветствие почему-то насмешило Малкута. Он широко улыбнулся, а его страх, вдруг, совсем исчез.

Они некоторое время молча изучали друг друга, а затем тишину предзвездного часа нарушил треск лопнувшей по швам рубашки Берка. Яблоки с глухим стуком покатались по траве, но бес так и не шелохнулся. Все еще улыбаясь, Малкут встал с деревянного пола беседки, отодвинул выющую нить дикого винограда и вышел под лунный свет. В таком виде его кожа казалась совсем прозрачной, но что заставило Берка в ужасе отшатнуться от ребенка – это отсутствие даже намека на Тень. Наследник быстрым движением сдернул с себя темно-песочную тунику, оставаясь в одной нижней майке и непомерно широких штанах, и принялся неторопливо собирать в нее, как в мешок, разбежавшиеся по земле сочные фрукты. Берк стоял каменным изваянием, ища взглядом Тень Малкута, но как бы тот не поворачивался, как бы не тянул руки, земля под его ногами оставалась залитой лунным светом, как и прежде. У бесенка снова задергался кончик хвоста.

Когда с собиранием яблок было покончено, Малкут завязал рукава туники и протянул узелок Берку. Тот недоверчиво повел носом, но не спешил принимать из рук человека без тени бесценный для него дар.

– Воровать плохо, – словно объяснял свой поступок мальчик, – а ты совсем не обязан поступать плохо.

Бес распахнул глаза еще шире. Он, сын Огненной Крысы, создание, пришедшее из-за Порога, дитя Ночи, сущность Тьмы! Он – само воплощение плохих поступков! Он живет плохими поступками, в нем нет ни капельки света! Им взрослые пугают маленьких детей и его боятся сами!!! И какой-то беловолосый сопляк, у которого даже Тени нет, говорит ему, что он не обязан поступать плохо???

– Пожалуйста, бес, не нужно поступать со мной плохо, – словно поправился Малкут.

– Где твоя Тень? – все еще хмурился Берк.

Мальчик едва заметно вздрогнул – никто и никогда не говорил с ним о его изъяне.

– Я дитя Сулатиллари. Он сделал так, что Ни Луна, ни Солнце не видят меня, – слишком твердо для маленького ребенка объяснил он, – у меня нет Тени.

Берк еще колебался, но затем все же потянулся к кульку яблок. Он осторожно взял их в руку, стараясь не коснуться наследника, кивнул, так и не найдя, что сказать и бросился прочь. Малкут и ахнуть не успел, как бесенок в два прыжка оказался у стены и *скачком* через нее перемахнул. Просто исчез в клубе иссини черного дыма и через мгновение появился уже в другом месте.

Наследник стоял, печально глядя туда, где только что был Берк, как неожиданно из-за гранита показалась черная мордочка. Бесенок улыбнулся, обнажив острые нижние клыки, помахал раскрытой ладонью и, прыгнув со стены, был таков. Малкут поднял с земли обрывки старой рубашки бесенка, удобно расположился на ступени беседки и почти до рассвета сидел в саду.

С той ночи они не проводили и дня друг без друга. Они дурачились, дрались, играли, купались в искусственном пруду, разведенном старым садовым гномом, читали книги. Правда читал в основном бес, Малкут крайне холодно относился к книгам, но вот слушать, как ему читает друг – любил. Они строили снежные замки, когда на южную Асханну, наконец, опускалась зима. Первые ее два месяца – месяц тревожного и месяц стремительного потока – были

бесснежные, зато, когда последний – месяц ледяного потока – вступал в свои права, вот тогда дворец кутался в белую перину почти до окон первых этажей.

Как раз в одну из таких зим, когда они играли в «Доверяй» вокруг любимой беседки, их дружба всплыла. Берк невидимой тенью шел рядом с мальчиком, чьи глаза были закрыты и лишь на уровне ощущений тут чувствовал присутствие друга. Они должны были пройти через длинную череду сугробов и бес только намекал Малкуту, куда идти, прикосновениями или шепотом. Но Малкут неизменно обходил все препятствия, остро чувствуя присутствие друга, и только следы на сугробе в конце игра напоминали мальчику, что шли они весь этот путь вдвоем. Вот тогда -то детей и заметила одна из поварих, желавшая побаловать отпрыска хозяина вкусно пахнущей, свежей сдобой. На уши встал весь дворец. Мало того, что на территории Светлых Драконов появился выродок «темной» стороны, так он еще поимел наглость не только запачкать своим присутствием земли Наместника Баспарта, так еще и – неслыханная дерзость – набивался в друзья единственному Наследнику. На беса устроили настоящую охоту – это были очень тяжелые дни для обоих детей. Берку пару раз крупно влетало на орехи, а однажды он только чудом отсрочил свое путешествие по Крысиным Ходам. К удивлению, его спас Малкут, в чью комнату через платяной шкаф бес ввалился, обильно заливая пол детской своей собственной кровью и постанывая от боли. Будущий правитель Асханны пришел в ужас, но нашел в себе силы остаться в сознании и что было силы прижать руки к огромной ране на боку друга. Красная жижа с запахом метала перестала вырываться из дыры почти сразу, резь ушла, бесу стало тепло. Мальчик жал пальцы что было силы и уже через несколько минут от раны под его ладонью не осталась и следа. Что это было дети так и не поняли, были просто рады, когда все закончилось.

После этого попытки сжить со свету беса, которого, похоже, взял под свое крыло сам Сулатиллари, прекратились, но во дворце принялись ставить все возможные палки в колеса этой дружбы. Только как придворные не старались, на какие ухищрения ни шли – друзья находили пути для встречи. Если Малкута запирали в комнате, то Берк проникал в спальню через окно. Когда окно по приказу Наместника Баспарта забили ставнями, он стал шастать через платяные шкафы, через которые, как истинный бес, умел *ходить*, до инфаркта пугая дежурящих у мальчика нянечек. Если детям не случалось свидеться утром, они встречались днем, когда на палящее солнце не рисковал выходить никто из живущих в южной части Асханны. Берку не было дела до жалищих языков дневного светила, а Малкут очень легко переносил жару, при условии, что на него не попадали прямые солнечные лучи. Если день тоже не давал случая увидеться вдали от любопытных глаз – старый садовый гном, ухаживающий за растениями в парке, был не в счет, ему не было дела до этой странной дружбы – дети встречались под покровом ночи. В итоге, Наместник махнул рукой на попытки их разлучить, понадеявшись, что такая странная привязанность сама сойдет на «нет». Но шли годы, а дружба только крепла, и товарищи подолгу сидели в саду, больше не вздрагивая от каждого шороха.

Идея же с полуденным солнцем пришла в голову Берку не так давно, и теперь друзья каждый день выходили на улицу в самый зной, чтобы какое -то время Малкут мог ощущать себя таким же, как все.

– Пойдем, – бес потянул наследника за руку, когда солнце сместилось, и на землю у его ног легла тень, – а то ты изжаришься. К тому же сейчас самое время для прятков. Няни отдыхают, а на кухне еще не растопили обеденные печи!

Малкут кивнул, делая шаг к беседке. Сейчас действительно было то время, когда дворец погружался в ленивую и вязкую, как кисель дрему. Вся прислуга разбредалась по комнатам, в надежде укрыться от изнуряющей жары. В это время бес мог шастать по дворцу практически ничего не опасаясь, чем друзья и пользовались то проникая в столовую и таская сладости, то обосновываясь в библиотеке, то подкармливая сухарями охотничьих соколов Наместника.

К тому моменту, как вода досчитал до ста, бес был уже далеко от беседки. Он, перемахивая через три ступеньки, пронесся на второй этаж бытовой пристройки, минуя кладовки, шкафы, в которых по уговору Берк не имел права прятаться, складские помещения, заваленные всевозможным скарбом и наконец ворвался в пахнувший пометом зал, с усилием открыв тяжелую резную дверь. В зале «Легкого Крыла» было светло и прохладно, благодаря распахнутым окнам и толстым гранитным стенам. Мощные, грациозные птицы, завезенные в Асханну еще до Разлома с самого севера Такаира, сидели на жердях из прочного дубового массива, высоко подняв крупные головы и практически не шевелились. Они привыкли к запаху беса и ничем не выказали волнения. Только Зорька – немолодой уже сокол с перебитым в двух местах крылом и изрядно облезлый, которому Берк уделял всегда особое внимание – глянул на вошедшего и призывно крикнул. Бес не останавливаясь кинул ему сухарь, а сам приоткрыл дверцу маленькой кормовой, где шумно работала машина по переработке зерна, юркнул в пространство между аппаратом и стеной, так что от любого вошедшего его скрыл бы полумрак и высокие мешки с зерном, и затаился.

Прошло совсем немного времени, как дверь в зал бесшумно отворилась, и Берк почувствовал досаду, что друг нашел его так быстро, но вместо Малкута в соколиную вошел его отец. Бес отпрянул от щели в стене, через которую наблюдал за входом и замер, слушая как бешено стучит его сердце от ребра. Наместник сильно отличался от своих портретов на картинах и гобеленах, изображающих статного, но утонченного юношу, почти подростка. На самом деле Баспарт был уже немолодым, широкоплечим мужчиной высокого роста, с тяжелой, квадратной челюстью, которую он прятал в аккуратной русой бороде и густых усах. Его кулаки больше напоминали кузнечные молоты, а тяжелые ботинки со стальными носами были весьма внушительного размера. Однако при всей своей устрашающей внешности, он прослыл справедливым, мудрым, но твердым правителем. За Наместником тем временем тенью прошмыгнул дворцовый Знахарь, сейчас в отличие от обычного, одетый не в ослепительно-белую мантию, а поношенный серый комбинезон и мягкие солдатские ботинки. Темные редкие волосы с пепельной сединой были забраны в низкий хвост, а тусклые глаза встревожены. Правитель тоже был одет просто, если не сказать бедно, из оружия на поясе висел только короткий нож с удлиненным тонким лезвием. Птицы шумно захлопали крыльями. Мужчины молча прошли мимо жердей, но, к счастью, не зашли в кормовую, а остановились у самых ее дверей, близь распахнутого окна. Берк сглотнул и постарался забиться в щель, ставшую ему неожиданно настоящим убежищем, еще глубже.

– Мы здесь, как на ладони, – недовольно проворчал Знахарь, озираясь по сторонам.

Его водянистые, бесцветные глаза цепко прошлись по помещению.

– Мы здесь, как у Лешрака за пазухой, – спокойно возразил Наместник, – если кто-то войдет или просто пройдет рядом – птицы дадут знать.

Словно в подтверждение его слов, несколько соколов, сидящие ближе всего к двери захлопали крыльями, один тревожно крикнул, предупреждая собратьев о возможной опасности.

Баспарт прислушался, но уже через несколько мгновений удовлетворенно кивнул и поправил ножны, висящие на широком поясе.

– Какие у тебя новости?

Знахарь замялся и неуверенно глянул в распахнутое окно.

– Ради всей Поднебесной, Димирь! – Наместник ругнулся и бес услышал, как лязгнули, закрываясь, тяжелые оконные ставни. Зал погрузился в полумрак, – еще немного, и я за себя не отвечаю! Есть у тебя, в конце концов, новости?!

Знахарь глубоко вздохнул.

– Простите, Ваше высочество, но новости не порадуют...

Берк нахмурился и подался вперед к щели, из которой ему было видно Наместника и стоящего вполоборота дворцового Знахаря. Баспарт хватил ртом воздух и побледнел. В таком освещении его лицо казалось серым.

– Ты хочешь сказать, что ничего нельзя сделать? – властный голос правителя сделался хриплым и тихим, слова давались ему с трудом. Он прислонился к одной из жердей, словно ноги плохо его держали.

– Басп, видит Лешрак, я не хочу этого говорить, но выходит, что так все и есть, – Димирь покачал головой, – мы делали все что могли, но время вышло.

Правитель прислонился к дубовой ветви уже всем телом. Его грудь тяжело ходила ходуном.

– Мне очень жаль... – едва слышно произнес Знахарь, – я понимаю, как тебе тяжело...

– Понимаешь? – Наместник усмехнулся нервно, почти истерично, – серьезно? Тебе тоже предстоит отнять жизнь своего единственного дитя?

Затаившийся в кормовой бес вздрогнул всем телом, решив, что ослышался.

– Да, Димирь? – продолжил Баспарт, – скажи, тебе тоже придется своими руками вырезать сердце своего ребенка на жертвенном алтаре? Что ты отводишь взгляд? Скажи, тебе надо будет совершить такое?

– Ваше высочество...

– Не вашевысочествовай мне, – перебил Знахаря Наместник, – а раз тебе не предстоит заливать кровью своего дитя серебряные чаши храма, не смей говорить, что понимаешь, какого мне!

Баспарт, вероятно пытался кричать, но на деле из его рта вырывались лишь приглушенные хрипы, однако их вполне хватило для того, чтобы бесу пришлось зажать себе рот рукой, лишь бы не заорать.

Берка мутило. Он сидел, сжавшись в своем укрытии, а в голове бешено бился пульс, заставляя мир плыть перед глазами. Ему пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, но воздуха отчаянно не хватало. В ушах зашумело.

– Басп, мы ничего не можем сделать, – услышал он сквозь гул в ушах голос Знахаря и заставил себя сосредоточиться, – эта смерть неизбежна в любом случае. Ты знал об этом все двенадцать лет, но вместо того, чтобы подготовиться, ты упрямо искал решение, которого просто нет. Малкут умрет. Так или иначе.

Берка затрясло. Он ничего не мог понять, и ему хотелось только скорее проснуться, так как все происходящее сейчас просто не могло быть взаправду. бес судорожно слотнул.

– Вдруг записи врут, – горячо возразил Баспарт, – таких, как Малкут, не было сотни лет! Последние упоминания о детях Света идут на языке Первых, может мы что -то неправильно перевели, или что -то не поняли? – голос Наместника был полон отчаянья и боли.

Димирь покачал головой.

– Свитки переводили в трех разных станах, тремя разными, независимыми группами людей. Наши люди побывали даже за Разломом, чтобы узнать больше! Ошибки быть не может, и ты это понимаешь сам.

В зале «Легкого Крыла» повисла тишина. Тихо заворковал сокол, а когда Берк подался чуть вперед, то в щели увидел, как Наместник беззвучно плачет, спрятав лицо в ладони. Его огромные плечи ритмично поднимались и опускались. Димирь нахмурившись стоял рядом, не смея ничего сказать.

– Мы можем подождать еще немного? – глухо спросил правитель через какое -то время.

Знахарь покачал головой и прикрыл глаза. Он старался не проявлять никаких чувств, но это было нелегко.

– Чем дольше мы ждем, чем больше мучений придется вынести ребенку. Пойми, Дети Света – столь чистые и непорочные создания, что ощущают физическую боль, делая что -

то плохое, – Димирь замолчал, подбирая слова, – тебе сложно это представить, но просто вспомни, как ты по ночам просыпался от криков, когда запретил дружбу с тем бесом. Дитя Света страдало физически, нарушая твой запрет... Тут будет тоже самое. Достигая этой ступени зрелости, ребенок перестанет быть непорочным и обычные, привычные всем нам изменения организма аукнутся такому созданию самоуничтожением. Малкут умрет в агонии, а сущность его души не уйдет за Последнюю Черту, в Поднебесную, она будет скитаться в забвении вечно. Ты желаешь своему ребенку такой участи?

Баспарт не смог ничего сказать и лишь покачал головой.

– Малкут теперь снова стонет ночами, – прошептал он.

– Потому что время истекло, – попытожил Димирь и положил правителю руку на плечо, – дальше будет только хуже.

Они постояли еще какое-то время молча. Знахарь сжимал плечо Наместника, а тот просто сидел, уставившись в пол. Минуты текли, как смола.

– Мне не следовало идти у тебя на поводу, – вздохнул Димирь, нарушая тишину, – не надо было искать выход из безвыходной ситуации. Надо было просто готовить тебя к тому, что на 13 году жизни твой ребенок оставит тебя, и что именно ты будешь провожать его за Последнюю Черту. Я поганый дворцовый Знахарь.

Баспарт встал и кивнул.

– Но хороший друг, – он усмехнулся в усы, – идем, я хочу провести со своим ребенком отведенное мне время.

Знахарь кивнул, и мужчины молча двинулись к выходу. Когда за ними закрылась дверь, а птицы перестали хлопать крыльями, возмущенно провожая нарушителей их уединения, Берка вывернуло наизнанку прямо в один из мешков с зерном.

А тем временем, далеко на юге от Харота – над самыми Пустыми землями уже восходило солнце. С земли поднимался пар, последствия недолгого, но сильного дождя. Вдалеке на востоке залегла розово-рыжая полоса, а с противоположного края было видно лишь бледную полосу молодой луны. Она прокладывала дорожку по спокойной красноватой глади морского залива. Эти места были оставлены так давно, что пустота стала единственной хозяйкой здесь. Даже животные не подходили к подножию старого, павшего храма, хотя когда-то именно он был сосредоточением всей природной силы. Мужчина сидел на том, что осталось от некогда величественной лестницы, и смотрел, как меняются краски на небосводе. Едва он выбрался из-под завала, как на не остывшую за ночь землю хлынули потоки воды. Забравшись по пояс в залив, и наскоро ополоснувшись под импровизированным душем, Тристан, чудом выудил из-под очередной глыбы старый, но целый монашеский балахон и, наконец, оделся. За все это время, ребенок успел дважды превратиться в большую теплую сферу и обратно, а в голове неожиданно всплыло его собственное имя и уверенность в том, что он должен сделать. Он знал, что должен куда-то дойти, и что этот комок жизни в его руках – важен, но почему, или куда – это было загадкой. Оставалось надеяться, что редкие проблески воспоминаний со временем внесут ясность, а пока...

Тристан поднялся на ноги и размялся, солнце неторопливо лезло все выше, а луна совсем исчезла из поля зрения, поднялся ветер и принес из-за пригорка, что раскинулся по левую руку, шум прибоя. Рубиновое море проснулось и теперь нетерпеливо лизало побережье Мертвой земли. Мужчина аккуратно положил сферу в наскоро связанный из попавшихся под руку лоскутов узел, накинул его на плечо и двинулся на северо-восток, уходя прочь от красной воды и разбитого храма. Минерал, висящий на шее, вдруг стал на мгновение теплее, а затем остыл, словно прощаясь с этим местом.

Солнце, как огромная черепаха, ползло по небосводу и с каждым часом становилось все жарче. Пейзаж тем временем оставался унылым и скучным – выцветшая до белизны,

твердая, как камень земля, где – то тут, то там пучками торчала пыльная и вялая трава, не пойми как выбившаяся на свет. Ветер жаркими толчками касался груди путника, мешая идти, но несмотря на все это Тристан отчетливо чувствовал, как просыпается его тело – деревянные мышцы становились все пластичнее и горячее, обострился слух, зрение стало четче, а мир приобрел новые краски. Становилось легче дышать – давящая камнем боль в груди постепенно уходила и наконец к полудню, когда жара достигла своего пика, а на горизонте замаячил лес, Тристан услышал, как у него протяжно заурчало в животе.

Мужчина остановился, аккуратно снял со спины походный узел и приложил ладонь козырьком ко лбу. Вглядевшись вдаль, он недовольно поцокал. Ему не хотелось уходить с открытой местности. На этой земле он был как на ладони, но и любую опасность можно было увидеть за версту, а перспектива зайти в густой, словно высаженный частоколом, лес вселяла смутную тревогу. Корабельные сосны стояли сплошной стеной. Высокие, с гладкими, будто отполированными стволами возле земли, они цеплялись друг за друга ветками у самых вершин. Такая чаща хранит прохладу и сумрак даже в самый жаркий день. А еще такие сосны прячут в глубине своих земель воду. Скорее всего неглубокую, но широкую – метров в пятнадцать – реку. А в реке плавает рыба, а возле нее таятся пришедшие на водопой звери и птицы.

В животе заурчало громче. Тристан чертыхнулся и, закинув свою бесценную ношу обратно на плечо, двинулся к лесу. Достигнув кромки примерно через час, он поменял свое направление, взяв западнее, и пошел вдоль нее. Под ложечкой сосало нестерпимо, но путник лишь кидал взгляд в сумрак чащи и вновь шел вперед, прячась в деревьях от палящих лучей, но не входя глубже. Еще через час такой дороги Тристан измучено вздохнул, стянул с плеча узел и в изнеможении сел на сухую землю. Ноги подрагивали, оживший организм нестерпимо требовал еды. Мужчина был вынужден окунуться вглубь леса. Уже через несколько шагов наткнувшись на растущую гроздьями костянику, Тристан снова упал на колени и принялся жадно есть красные ягоды.

... – Ты уверена, что это можно есть? – мужчина смущенно улыбался.

Девушка, стоявшая посреди леса в длинном изумрудном платье и протянувшая ему сочные ягоды, была невероятно красива. У нее были длинные каштановые волосы и невероятного оттенка изумрудные глаза. А еще у нее была чудесная улыбка, которая закладывала ямочку на левой щеке.

– Не знаю, Тристан, сейчас и проверим, – озорно глядя на него, ответила она. Закатное солнце искрилось в ее взгляде.

Мужчина уже поднесший к губам плоды замер. Девушка засмеялась, запрокинув голову, а затем закинула гроздь ягод себе в рот.

– Ты такой трус, – мягко пожурила она, с наслаждением жуя костянику, – не понимаю, за что я тебя люблю.

Тристан, почувствовавший сперва укол обиды, замер. Ягоды едва не упали с дрогнувшей ладони.

– Ты... что? – хрипло спросил он, чувствуя, что сердце готово вырваться из груди, а лицо залилось краской.

Девушка пожала плечами, словно не сказала ничего необычного и все улыбалась, глядя на него своими прекрасными глазами.

– Люблю, конечно, – кивнула она, подтверждая, что он не ослышался, – ты трусливый, не всегда честный и не умеешь отличать добро от зла. Я не смогла бы общаться с тобой, если бы не любила всем сердцем.

Тристан стоял оцепеневший, не в силах произнести ни слова.

Девушка снова засмеялась, таким комичным выглядело его абсолютное замешательство.

– Ешь костянику, любимый, она сейчас в самом соку...

Тристан дернулся и очнулся. В ушах шумело, а на губах еще чувствовался вкус ягод. В какой момент он потерял связь с реальностью и оказался в воспоминаниях, он не знал. Также как не знал, сколько прошло времени. Солнце, едва видимое за кроной деревьев, явно шло по краю горизонта. Мужчина был сбит с толку и дезориентирован и все что он чувствовал это адскую, нестерпимую боль в груди. Его жгло изнутри с такой силой, что боль от расправляющихся легких, испытанная им в храме, показалась детской забавой.

Не в силах сдержаться он заорал.

Он хотел вспомнить ее, так хотел... но он не знал, кто она. Эта прекрасная девушка, которая любила его. По- настоящему. Его – глупого, трусливого, лживого. Ведь все, что она сказала было правдой. Колючей, но правдой. Тогда – в это чаще с румяной костяником – он и решил все поменять, измениться. Так хотелось быть лучше для нее. Тогда все и пошло не так. Он сам подписал ей смертный приговор. Ох, Творец, как же ее зовут?!

Тристан свернулся клубочком и заскулил. Он захотел навсегда остаться здесь – в этом лесу, по траве которого ступали ее ноги...

Заплакал ребенок и мужчина вздрогнул. Долг заставил его кое как встать на ноги и подойти к узлу. Отогнув один лоскут, он посмотрел на наморщенный носик, вынул дитя, осторожно прижал его к себе и начал укачивать, нашептывая бессвязные ласковые слова. Малыш очень быстро успокоился и принялся восторженно «агукать», а затем улыбнулся, от чего на щеке залегла ямочка. Тристана словно дернуло током. Эту улыбку он знал. Кром того, знал, что теперь следует делать.

Ребенок засмеялся, а затем начал источать свет и по частям, напоминающим чешуйки, покрываться сферой, как скорлупой. Мужчина убрал шар в узел, как только тот остыл, встал и повернувшись к равнине спиной двинулся в самую чащу леса Семи. Теперь он вспомнил, что далеко на востоке находится грязевое озеро, полное живительной силы и сферу сперва необходимо донести до туда пока не стало поздно. Эти превращения из яйца в человека и обратно – очень плохи, скорлупа должна стать плотной пока ребенок не *родится* по- настоящему. Не совсем понимая, что все это значит, но на интуитивном уровне чувствуя свою правоту Тристан отправился на поиски этого озера.

Шаг второй

Сводчатый, разноцветный шатер бродячего цирка в прошлом месяце расположился в западной части дворцовой площади, слегка в отдалении от ярмарки, и собирался простоять там до самого синего пламени. Странники осели в городе после долгого и непростого путешествия от стана Годро, через Баир и северные земли Асханны к ее столице. И теперь, только в последний месяц лета, когда жара спадет, они смогут продолжить свой путь, не боясь быть сваренными заживо под палящими лучами солнца. Несмотря на то, что большинству передвижения самой известной труппы четырех станом западной земли казалось хаотичным, Гремман – старый, немой руководитель Бродяг – имел в голове четкий план, в соответствии с которым, они свернут шатер, едва месяц синего пламени перевалит за середину, и, покинув Харот, двинутся южными трактами Торгового союза к Хансулату, а после вновь в стан Наместника Миракка – холодный, неприступный Годро, осядут там на пару месяцев, затем сместятся западнее, посетив несколько городов Баира и к исходу следующего года придут в столицу Асханны вновь.

Но до этого момента у труппы было еще долгих полтора месяца умопомрачительных представлений и заслуженного отдыха.

Жители каждого города каждого стана любили Бродяг и с нетерпением ждали, когда замаячит вдали или пройдет через центральные ворота вереница из семи расписанных пастельными красками повозок. Артистов горожане знали, как родных, ведь за 10 лет существования труппы состав ее оставался неизменным: немой старик- управляющий и его супруга, худой иллюзионист, прячущий лицо под маской, два непохожих друг на друга, но по- своему привлекательных акробата и великан- заклинатель животных, чье мастерство можно было оценить издалека, достаточно было увидеть двух запряженных в повозки яшуров. До его появления в команде считалось, что ни приручить огромных, покрытых бронебойной чешуей быков, ни, тем более, обучить командам – невозможно.

Остальные оставались за кулисами, но о них тоже были наслышаны. Девушка- организатор представлений и, удивительно, странствующий с Бродягами самый настоящий клирик.

Гремман расположился за невысоким столом, рядом с двуспальной кроватью в своей комнате в трактире, где труппа оседала каждый раз, посещая Харот. «Сам пришел» стоял у края дворцовой площади и, в отличие от центральных заведений, имел самое лучшее соотношение цена- качество. Здесь всегда были ледяная, пряная медовуха и всевозможные блюда из свежесловленной рыбы.

Руководитель цирка – немолодой, коренастый мужчина, с грубыми, словно рубленными чертами лица хмурился, водя метательным ножом по строкам виграммы, заверенной уполномоченным лицом. За месяц пребывания в столице Бродяги дали уже два выступления, но посещение дворца снова откладывалась. За все время их странствий по станам западнее Разлома Асханны осталась единственным местом, где Наместник так ни разу их и не принял. Это не только огорчало Гремманна, как артиста, но и больно било по его самолюбию. Сан Миракк, сан Алс и хан Абу – правители Годро, Баира и Хансулата – готовы были выкладывать немалые деньги, лишь бы Бродяги задержались на еще одну недельку и дали еще один концерт, но только не Баспарт. Скрипя сердцем Наместник позволил цирку располагаться на дворцовой площади, но в залы замка так и не пустил. А ведь труппе было, что показать – они были не простыми трюкачами и клоунами, коих изредка заносило в столицу. Бродяги были мастерами своего дела, асами и виртуозами, но правителю Асханны до этого, кажется, не было никакого дела...

Гремман потер перебитую много лет назад переносицу и шумно вздохнул. Вдруг ворох одеял на кровати справа от стола зашевелился и оттуда показалось заспанное лицо его жены.

Глая – тонкокостная, но пышная женщина с копной белокурых волос и яркими голубыми глазами выглядела моложе мужа, хотя они были одного возраста. Она приподнялась и уперла руки в бока.

– Ну, хватит! – воскликнула женщина, – сколько можно причитать о Наместнике. На нем что – дыхание Сулатиллари проступило?

Греманн возмущенно посмотрел на супругу, не проронив ни слова.

– Я знаю, – так, словно он вел с ней диалог, ответила Глая, – знаю! Но то, что тебя не позвали в один единственный дворец, никак не говорит о тебе, как о мастере!

Греманн покачал головой и молча пожал плечами.

– Не ври, – пожурила его жена, – если бы тебе было все равно, получишь ты приглашение или нет, ты бы не ходил с такой кислой рожей последний месяц...

Старик нахмурился и отвернулся, а Глая, кажется, хотела что-то добавить, но дверь небольшого шкафа, стоящего рядом со входом, неожиданно распахнулась и в помещение вывалился бес. Женщина ахнула и прижала руки к груди, старик вскочил на ноги, опрокинув тяжелый стул. Тот с глухим стуком шарахнул о паркетные доски.

– Греманн, они убьют его! Они убьют его! – покрытое шерстью лицо черта было залито слезами, черные глаза смотрели осоловело, он стал метаться по комнате, как заклинание повторяя одно и то же, – он сказал, что вырежет сердце ему своими руками. Греманн, что мне делать, Греманн?!

Глая моментально оказалась на ногах, уронив на пол ворох одеял, и подскочила к Берку. Ребенка била настолько крупная дрожь, что даже его поступь потеряла обычную легкость. Беса шатало из стороны в сторону, словно он хлебнул воды из самого Огненного моря, а во взгляде сквозило едва ли не безумие. Он не сразу почувствовал, как Глая схватила его за плечи и с силой, не свойственной таким маленьким женщинам, сжала. Мягко, но уверенно она повела беса к дивану и вынудила сесть. Берк лепетал себе под нос что-то страшное, глазами, полными животного ужаса глядя на руководителя цирка. Глая шептала ласковые слова, глядя беса по голове, но мальчик не замечал этого.

– Убьют его. Сказали, что его смерть неминуема, но он же совсем еще маленький, так не бывает...

Старик нахмурился и подошел к Берку. Властно, но не грубо он отодвинул жену, и, опустившись на одно колено, положил свои огромные руки на плечи беса, а затем что было сил потряхнул. Кляцнули зубы.

Берк, пару раз моргнул, словно приходя в себя. Перевел взгляд с Греманна на его жену и обратно, шмыгнув носом, утерев его рукавом. Руководитель труппы дернул подбородком.

– Рассказывай, – коротко бросила Глая.

Сперва сбивчиво, затем все последовательней и очень подробно бес поведал о разговоре Наместника Баспарта и Дворцового Знахаря Димиря. Женщина несколько раз всплеснула руками, но мальчика не перебивала, Греманн же становился все мрачнее с каждым сказанным словом.

– Я что -то неправильно понял, да? – Берк с надеждой смотрел на супругов, – это какая -то ошибка. Объясните мне, что они имели в виду...

Греманн поднялся на ноги и сел на кровать рядом с бесом. Он медленно поднял взгляд на жену и покачал головой.

Глая охнула, прижав руки ко рту, и опустилась на край стола, так словно боялась, что ноги ее не удержат. Берк уронил голову на колени и беззвучно заплакал.

Прошло полчаса, или около того, когда в комнату по распоряжению супруги Греманна принесли горячий чай, настоящий на корне валерьяны, несколько плиток настоящего северного шоколада и ароматические свечи с запахом лаванды. Пока старик разжигал благовония, а Глая почти силком влиwała чай в глотку беса, трактирщик принес дополнительный мат-

рас, пару циновок и одеяло. Когда помещение наполнилось густым, успокаивающим запахом, а горький чай был выпит до последней капли, Глая уложила мальчика на наспех сделанную лежанку, села на кровать рядом с мужем и глубоко вздохнув объяснила.

– Берк, о наследнике Наместника мало, что известно. Все города каждого из трех станов западнее Разлома знают, что сей персонаж существует, но, как я понимаю, видел его только ты... но если то, что ты говоришь – правда... – женщина осеклась, перевела взгляд на мужа, но тот только коротко кивнул, – если Малкут – дитя Света, то его отец и Димирь, вероятно, правы...

Вся слабость и вялость слетели с беса, он встрепенулся, но Греманн, ожидавший такую реакцию, мигом оказался рядом и силой запихнул Берка поглубже в одеяла.

– Дослушай, – печально проговорила Глая, с болью глядя, как беса вновь начинает трясти, – ты знаешь, что в каждом из нас есть часть Крылатых Повелителей. Кто -то, как ты, носит в груди Огонь – сущность КрАс'каята, кто -то Землю – их совсем немного, так как Земляной Дракон погиб в Войне. Мы с Греманном носим Воду – часть Лито'о'Лешрака. В Годро и Баире живут носители воздуха – Аарона'То. По другую сторону Разлома есть еще те, в ком живет крупница Металла – Галех'Тристана. Но, как из любого правила бывают исключения, так и здесь появляются Дети Света – чистые создания, которых коснулся Творец, сам Сулатиллари. Такие дети чисты и непорочны настолько, что ни Солнце, ни Луна— не видят их, поэтому они даже не имеют тени. Дети Света не могут творить плохие дела – от любых злых или недостойных поступков они ощущают физическую боль. Пока они совсем маленькие, все совсем безобидно – слушайся старших, не ври, не завидуй, помогай ближнему своему – и все будет в порядке, но проходит время и наступает момент, когда ребенок становится взрослым. Обычно это возраст тринадцати лет, когда тело человеческого существа вступает в новую стадию развития... и вот тут с Детями Света происходят ужасные вещи. Чтобы кто не делал, они ощущают ужасную боль от которой сходят с ума. Это невероятные муки...

Берк заворочался в одеялах и приподнялся на локте:

– Ладно, допустим, – тихо сказал он, – но что же теперь делать? Я должен все исправить. Как мне помочь Малкуту?

Руководитель цирковой группы не глядел на беса, а задумчиво водил рукой по деревянной плоскости стола. Глая посмотрела на мужа, глубоко вздохнула и сев на расстеленный на полу матрас, прижала беса к себе.

– Ты не сможешь помочь, малыш. Ему просто надо дать уйти... Мне очень жаль... – едва слышно прошептала женщина, но Берк встрепенулся и, отскочив от Глаи, поднялся на ноги.

– то, что вы не знаете, как помочь Малкуту не значит, что ему нельзя помочь! – в сердцах воскликнул он, – просто мне нужен тот, кто знает!

И словно подсказав сам себе какой -то гениальный выход, бес вдруг ахнул, а его глаза загорелись. За мгновение Берка окутал сизый дым, едко пахнувший серой, и он совершил *скачок*, появившись по правую руку от старого руководителя цирка. Ладонь Берка змеей скользнула к поясу Греманна и выхватила один из трех метательных ножей. Не думая и мгновения, бес размахнулся и вогнал обоюдоострое лезвие себе в сердце по самую рукоятку. Как закричала Глая, он уже не услышал.

Туннель был узкий, с низким, неровным потолком. Даже тот, чьи глаза лучше видели ночью, чем днем, сейчас был почти ослеплен сгустившейся тут темнотой. Бес лежал на животе, и ощущал лицом и ладонями прохладные, отсыревшие камни Крысиных Ходов. Он глубоко вздохнул и осторожно поднялся на ноги. Ему пришлось сразу пригнуть голову, так как он хорошо помнил, что этот лаз совсем не подходил под его рост. Берк осторожно поднял правую ладонь и прижал к груди. Тихо. Ни звука, ни толчка... но это было даже к лучшему. Будь по- другому, его сердце могло бы стучать так, что это услышали бы в каждом – самом дале-

ком – тупике Ходов. Берк еще со своего первого и до этого момента единственного путешествия по крысиным ходам помнил это странное глухое чувство пустоты в груди, которую ничем нельзя было заполнить...

Постояв достаточно для того, чтобы привыкнуть к липкой тьме подземелья, бес двинулся вперед, ведя рукой по стене слева от себя. Сперва медленно, затем все ускоряя шаг, и достаточно быстро очутился возле разветвления. Один путь уводил направо и будто немного вверх, второй неровной каменной тропой спускался вниз. бес ни минуты не размышляя повернул налево и, все также пригибая голову, двинулся дальше. Он шел очень долго, сбиваясь со счета, минуя очередной поворот. Двойные, тройные развилки. Туннель петлял, как взбесившийся бык на варгардской корриде, но Берк неуклонно шел вперед, держась всегда левой стороны. Время шло, но дорога не заканчивалась. Чувствуя зарождающуюся тревогу, бес хмурился и шел дальше. В прошлый раз он достиг своей цели много быстрее. Наконец, когда тревога разрослась до дурманящего голову страха, готового вот-вот перерасти в настоящую панику, где -то вдалеке появилась неясная точка света. Берк судорожно выдохнул и ускорился, но шло время, а проблески так и остались маячить вдалеке. Как в дурном сне, бес сперва ускорил шаг, затем не выдержал и побежал, но свет так и не приближался. Бес бежал, как сумасшедший, глаза начал застилать пот, а дыхание, наполняющее пустые легкие, то и дело сбивалось. Неясные точки на горизонте только подмигивали, а затем, словно издеваясь, прыгали назад, увеличивая дистанцию между собой и мчавшимся к ним бесом. Он бежал и бежал, дыханье навзрыд вырывалось из горла и вдруг, мгновенье, и он влетел в небольшой овальный зал.

Это произошло так неожиданно – ведь свет все время лишь маячил впереди – что Берк споткнулся о выступающий порог зала и рухнул на колени.

Морщась от боли в ободранных ладонях и силясь перевести дыхание, Берк поднялся на ноги и огляделся. Огненный зал был точь-в-точь таким, как он его помнил. Неровные каменные стены, местами покрытые сажей, семь одинаковых корытец в которых танцевал огонь, прикрепленные на равном расстоянии друг от друга, и держащиеся на толстых звеньях чугунных цепей. А в самом центре стоял огромный котел. Из него, облизывая невысокий потолок, вырывались бело-желтые языки пламени, от которых по обожженным камням бегали удивительные тени. Берк сдавленно кашлянул и котел загудел, огонь вспыхнул ярче, посинел и ударил в потолок с ревом раненного зверя, бесу пришлось зажмуриться, а уже спустя мгновение из бурлящего варева появился силуэт самой смерти. Хрупкие плечи, длинные, пшеничные волосы, янтарные, и прозрачные, как смола глаза. Все жители всех Станов представляли себе беспощадную и равнодушную Огненную Крысу совсем по-другому...

– Берк, – ее голос был тонким и похож на детский.

– Мать, – хрипло поздоровался бес и склонил голову.

Лицо смерти было словно высечено из камня самыми умелыми руками. И только в глазах таилась бесконечная мудрость, они смотрели внимательно, заглядывая внутрь или даже глубже, выворачивая наизнанку.

– Что привело тебя ко мне?

– Нож в груди, что же еще, – пробурчал себе под нос Берк, а затем посмотрел Матери в глаза, – меня привела нужда.

Тонкая бровь на светлом лице изогнулась, девушка повела плечами и сделав пару шагов к бесу села на краешек своего котла, свесив наружу босые ножки.

– Интересно, – задумчиво протянула она.

– Мне нужна тень, – спокойно произнес бес.

Лицо матери вытянулось, а глаза округлились:

– Что, прости?..

– Тень. Обычная тень. У моего друга ее нет, и он умрет без нее. Мне нужно достать ему тень, – очень размерено, словно объясняя что-то маленькому ребенку, проговорил Берк.

– Бес, ты вообще в своем уме? – вся беспечность и детскость пропали из образа Матери, хотя внешне ничего не поменялось перед ним теперь стояла старая, как мир, женщина, на чьих плечах лежала неподъемная ответственность, – может в Ходах ты где случайно свернул направо и потерял рассудок? Ты, сын, мой вестник. Там, где есть ты – непременно появлюсь и я. Если ты с кем -то «дружишь», то ему уже давно пора за Последнюю Черту.

Берк нахмурился и покачал головой.

– Я твой преданный слуга, Огненная Крыса, – девушка дернулась от этого имени, вновь превратившись в маленькую девочку, – и я несу твою весть везде, где появляюсь. Но я не готов нести эту весть своему другу. И я пришел сюда по нужде – я пришел просить... Нет, – бес пал на колени, – я пришел умолять, не приходите за моим другом. Не забирай его. Дай мне возможность прожить с ним бок о бок... дай ему возможность прожить жизнь. Просто дай ему тень.

Смерть задумчиво подергала ножками, спрыгнула с котла и подошла к Берку. За ее шагами оставались следы пламени, они взмывали вверх и тихо шелестя, тухли. Девушка сделала несколько кругов вокруг беса, вопросительно глядя на его затылок, но мальчик не посчитал нужным ничего добавить, он просто молча ждал решения Матери.

– Н-да, – потянула она, – забрать дитя у самого Сулатиллари... А что, никто никогда до такого не додумывался. Подумать только... Дать ему тень, – она шептала себе под нос, сложив руки на груди и похлопывая себя указательным пальчиком по тонким губам. Когда ей надоело нарезать круги вокруг Берка, она вдруг замерла, мальчик поднял голову, – это так же гениально, как и безумно... Но Творец сам хотел, чтобы у каждого был выбор...

Смерть стояла неподвижно, глядя бесу в глаза, заглядывала внутрь, глубже, еще, искала ответы. бес чувствовал, как по спине начинают бегать мурашки, Мать словно копалась в его мыслях.

– Что ж, – наконец она оторвала от него свой янтарный взгляд и повернувшись спиной, направилась к котлу, встав на цыпочки и еле доставая до края, она что -то зачерпнула в каждую руку, затем снова стремительно и легко подошла к бесу.

– Просьбу я твою выполняю, но тень ты возьмешь сам. Если не умрет твой друг, умереть придется кому -то другому, сам понимаешь, – Мать стремительно схватила Берка за руки, и он почувствовал нарастающее жжение, опутывающее ладони, – первое к чему ты прикоснешься, когда вернешься в подлунный мир, получит возможность воздействовать на тень. Как ты это провернешь – решишь сам, твоя затея поистине безумна, так что сходи с ума в одиночку... Но помни, тот, чью тень ты подаришь своему другу – умрет.

Берк не верил собственным ушам и только отчаянно кивал, стараясь не замечать, что ладони жжет уже просто невыносимой болью. Брызнули слезы, но он их просто сморгнул и закивал активнее.

Мать вдруг посмотрела на него очень нежно:

– Тебе все равно, что от твоей руки погибнет кто -то, чей путь еще не должен бы прерваться? – осторожно спросила она.

Бес нахмурился и пожал плечами.

– Я – сын Огненной Крысы. Мне нет дела до мира живых.

Мать улыбнулась и покачала головой.

– Не сходится, Сын. Если бы так – тебе не было бы дела и до жизни друга...

Берк открыл рот, но не найдя, что возразить, закрыл. Врать матери он не хотел.

– У Сулатиллари вышел странный мир, – неожиданно задумчиво и одновременно восхищенно произнесла Смерть, – но твоя идея, превосходит любые задумки. Хочешь дать истинному свету тень, хорошо, но тогда тебе придется взять у него что -то взамен. Иди. Теперь у вас будет время.

Смерть легко толкнула беса в грудь, прежде чем он успел возразить, и тот полетел в забытье.

Плакала женщина.

Берк хорошо знал этот звук. Он слышал его, когда появился на свет. Так могут плакать только матери, потерявшие свое дитя. Он широко распахнул глаза и, со свистом втянув воздух, выпрямился. Сердце толкнулось раз, другой, и кровь вновь побежала по венам. беса бросило в жар.

Глая так безутешно рыдала, сидя на циновке перед ним на коленях, что даже не заметила, как он взметнулся, а Гремманн был слишком шокирован, чтобы предпринять, хоть какие -то действия.

Помня слова Огненной Крысы, Берк посмотрел на свои ладони, по ним словно переливаясь, бегал синеватый дым с яркими красными всполохами. То, чего он коснется первым... Что ж... Он перевел взгляд на метательный нож, торчащий из груди. Резать им будет неудобно, но и так сойдет. Берк коснулся рукояти правой рукой и дым с его ладони, окутав на секунду нож, пропал. Он потянул лезвие и поморщился от боли. Лезвие поддалось не без труда, но, когда он его достал, зияющая в теле рана полыхнула огнем и затянулась. Нужно было что -то еще.

– Мне нужны иголка и моток ниток, – его голос, который он сам не узнал, заставил жену руководителя цирка вздрогнуть и отшатнуться. Старик поднялся на ноги, пока ошарашенная неожиданным воскрешением Глая хлопала глазами, достал то, что просил бес и не без опаски протянул ему.

После того, как ленты сизого дыма окутали и принесенный клубок шерстяных ниток, с торчащей из него толстой иглой, Берк, наконец, поднял взгляд на владельцев бродячего цирка. Глая смотрела на него с плохо скрываемым ужасом, а Гремманн хмурил густые брови.

– Что ты наделал? – прошептала женщина.

Но бес лишь пожал плечами, убирая нож за пазуху и пряча нитки во внутренний карман кожаной жилетки.

– только то, что был должен.

Гремманн хлопнул по столу раскрытой ладонью, и Глая ахнула:

– Ты заключил сделку с самой смертью, – прошептала она, до конца не веря в то, что говорит.

Но Берк только усмехнулся.

– Это для вас это сделка. А я просто поговорил с Матерью по душам, и она согласилась мне помочь.

– Даже тебе, бес, Огненная Крыса не даст ничего просто так, – покачала головой Глая, – она возьмет что -то. Что -то еще, кроме одной из твоих жизней.

Берк кивнул и встал, надеясь скорее унять дрожь в ногах, и быстрее ринуться к Малкуту.

– Верно. Но не больше, чем я готов отдать.

Когда за бесом закрылась дверь платяного шкафа, Глая посмотрела на мужа.

– Мы не должны в это ввязываться, – тихо сказала она.

Гремманн кивнул.

– Это не наше дело и не наша беда, – продолжила женщина тревожно.

Муж опять согласился и, сев за стол, хлебнул из чашки немного валерьянового чая.

– Пускай все так и остается, – добавила Глая.

Руководитель цирка еще раз кивнул, ободряюще погладил жену по плечу и стал готовиться ко сну.

В храме Водного Дракона шли приготовления. Мраморный пол был натерт до блеска, все подсвечники отмыты от копоти, в них сейчас стояли новые матово- белые свечи. Южные и Западные двери были запечатаны гербовыми печатями Наместника, на щеколдах висели тяжелые замки. Прекрасные каменные изваяния народа Драконов стояли тут же. Аквамариновая статуя Лито'о'Лешрака искрилась, преломляя мягкий свет. Его тело было вытянутым, почти змеиным, с едва заметными перекатами мышц, четыре лапы с острыми когтями лежали вдоль туловища, а за крупной, обтекаемой головой виднелись прорези жабр. На постаменте перед статуей установили алтарь – плоский стол, с резными краями и сиреневыми прожилками. Рядом, по левую сторону, ближе к скульптуре, стояла серебряная чаша – большая, округлая, на тонкой, плоской ножке. У ее основания лежал нож. Дворцовый знахарь, закутанный в белые до ломоты в глазах одежды, что -то сверял в бумагах, разложенных на жертвеннике. Стража стояла у входной арки, одетая в цвета траура – черный и рыжий.

Димирь тихо насвистывал себе под нос незатейливую мелодию, завершая приготовления – повторяя весь ритуал в своей голове и еще раз отмечая безупречность своего плана.

День, когда у наместника появился наследник, был омрачен смертью его горячо любимой супруги, но на этом беды не оставили дворец. Ребенок родился с невиданным изъяном и Димирь по просьбе Баспарта рыл носом землю каждого стана, чтобы найти хоть какую -то информацию о создании, появившимся на свет. Долгие годы поиски не давали результата, но вот в одной из библиотек, в Дире – столице Годро – дворцовый знахарь наткнулся на чудом оставшуюся на этой стороне Разлома рукопись, которая приоткрывала завесу тайны с Детей Света. Она повествовала о том, что это за создания. Как оказалось, мнения немногих посвященных в эти знания, были ошибочны. Дети Света не были пусты, они несли в себе уникальную сущность – часть Творца. Эта крупница – веление нести Свет в мир и делать его лучше. Но кроме ответственности, она давала и невероятную Силу, освоить которую ребенку предстояло по прошествии лет. Именно эта Сила заинтересовала Димирия. Будучи по натуре властным

и жадным, он увидел в полученных знаниях возможность. Возможность присвоить себе почти безграничную мощь, которая могла поспорить даже с Силой каждого из трех оставшихся после Войны Драконов. Рукопись рассказывала и про то, как растить Детей Света, как помочь им принять их суть, как избавиться от боли по наступлению 13 года жизни, но Димирия это не интересовало. Его вниманием завладел лишь ритуал, который позволял забрать Силу Дитя, если оказывалось, что справится он с ней не мог. План родился мгновенно и, несмотря на то, что он был весьма прост – еще несколько лет Знахарь провел вдали от Асханна, прорабатывая его со всех сторон. До Наместника он донес лишь часть древних знаний, представив ее таким образом, что ребенку Баспарта в любом случае светила только смерть на жертвеннике. Заручился поддержкой дворцовой стражи на тот случай, если хоть что-то пойдет не так. Втерся в доверие Наместника до такой степени, что тот стал больше доверять ему, чем себе. Дело осталось за малым – он принялся терпеливо ждать, когда сила Дитя даст о себе знать.

Когда в зале со стороны единственного открытого – парадного – входа вошел начальник дворцовой стражи, крупный седоволосый мужчина с бородой и россыпью оспин на лице, Знахарь отвлекся и поприветствовал его хмурым взглядом.

– Пора начинать, – не менее хмурым бросил тот.

подавив всплеск неминуемого раздражения, Димирий процедил:

– Костан, вероятно, это мне решать.

Начальник наклонился над жертвенником, уперев в него один кулак, стараясь нависнуть над Знахарем, и понизил голос до шепота.

– Порешаешь еще немного и Баспарт откажется от этой идеи. Старый нытик и так весь вечер мотает сопли на кулак. Потянем дольше – он соскочит. И не видать тебе сердца Дитя, как крыльев Лито'о'Лешрака!

– Не пори чушь, – огрызнулся Димирий, рывком подаваясь вперед, – Наместник все решил. Сила ребенка будет нашей, а Баспарт так ничего и не узнает.

На челюстях Костана проступили желваки, и он в сотый раз пожалел, что ввязался в такую авантюру. Он ничего не сказал, лишь ругнулся себе под нос, щелкнув каблуками, развернулся и двинулся прочь.

Димирий мысленно чертыхнулся и еще раз посетовал, что опрометчиво посвятил начальника дворцовой стражи в свой план. Но в таком вопросе ему нужен был сильный союзник. Пусть даже такой жадный до власти, как Костан.

Пребывая каждый в своих тревожных мыслях ни тот, ни другой не заметили, как по восточной стене откуда-то сверху с бойницы сбежала струйка щепня.

Малкут шел к отцу по длинному коридору, соединяющему восточное крыло с сердцем дворца. В это время года, слава Дракону, темнело рано, и нещадное палящее солнце быстро закатывалось за горизонт. Настенные светильники были приглушены, а звуки шагов наследника гулким эхом поднимались к потолку. Малкут нервничал. После игры в прятки, он так и не смог отыскать своего друга, но бес часто пропадал, не говоря ни слова. Однако в этот раз какая-то непонятная тревога засела под кожей и не отпускала. Не отпускала весь день, который Малкут, что удивительно, провел со своим отцом. Наместник изъявил желание не только пообедать со своим ребенком, они много разговаривали, сходили на пруд половить рыбу, и даже читали в библиотеке. И сейчас, после того, как Малкут переделся в своих покоях, отец снова попросил его зайти – на этот раз в тронный зал.

Нервное напряжение не отпускало и когда наследник дошел до места, он слегка потеряно посмотрел на двух стражников, которые сразу открыли перед ним мощные высокие двери, и с тяжелым сердцем вошел внутрь.

Тронный зал встретил пустотой, большая хрустальная люстра не горела, гобелены, прошитые золотыми нитями и обычно украшающие высокие стены, были смотаны. Их место

заняли черно-рыжие полотна. Пол застелили черным бархатом. По кругу стояли напольные подсвечники, с белыми матовыми свечами. Высокий трон Наместника был укутан черными и рыжими шелковыми лоскутами, окна закрыты ставнями.

Малкут ахнул и сделал шаг назад, но тяжелые двери за его спиной уже закрылись. Он с трудом сглотнул вставший поперек горла комок, а все его нервы натянулись до предела, как и подсказывали ему шестое чувство, что -то было не так.

Наследник прижал руку к груди, пытаясь унять бешено бьющееся сердце, но не успел он сделать и шага, как в стене справа от трона открылась хорошо замаскированная, невысокая дверь и в ней показался силуэт отца.

– Папа! – Малкут с досадой услышал, как дрожит его голос, и бросился вперед, – что происходит?

Баспарт не без труда просочился в узкий проем, а когда выпрямился, наследник увидел на отце черные штаны и черную рубашку с рыжей прострочкой.

Мальчик ахнул и замер.

– Пойдем, дитя мое, – голос отца был сухим и тихим, – мне надо кое-что тебе показать.

Малкут сделал несколько неуверенных шагов назад, все еще прижимая руки к груди, в которой бешено колотилось сердце.

Вслед за Баспартом в проеме появился Димирь. Знахарь улыбнулся Малкуту и протянул руку.

– Вперед, Малли, не заставляй отца ждать.

Белые одежды сперва сбили наследника с толку, но на протянутой к нему руке он увидел черно-рыжий браслет.

– Почему зал затянут в траур, почему на вас траур, что произошло? – взволновано залепетал Малкут.

– Пойдем, дитя, мы все тебе расскажем по дороге, – терпеливо проговорил Димирь и снова поманил его за собой.

Наследник, глядя на отца глазами полными непонимания, медленно пошел вперед. Баспарт смотрел куда-то в сторону явно стараясь не встречаться взглядом со своим ребенком.

Когда до потайной двери оставалось несколько метров, под потолком что-то оглушительно хрустнуло, на темный бархат пола посыпалась деревянная труха, а в недавно закрытом ставней окне появился бес.

– Руки прочь, – рявкнул он и в два прыжка по отвесной стене оказался между Малкутом и Знахарем.

Наследник был невероятно рад другу, но никогда не видел его таким. Шерсть на теле беса топорщилась в разные стороны, он казался выше и больше чем обычно, черные глаза словно пошли трещинами, в них играл огонь. Широкий нос был наморщен и губы приподнялись, обнажая белые и острые, как лезвия зубы. На рожках проступили и налились багряным огнем странные плетения. Под мышкой у него был какой-то увесистый кулек.

Баспарт и Димирь оба дернулись назад, и не в силах перебороть суеверия, окинули себя священным жестом, но бес только сильнее оскалился.

– Берк, что происходит, – Малкут чувствовал, как голова начинает раскалываться, в ней пульсировала кровь.

– Баспарт, – ко всеобщему удивлению, бес обратился не к наследнику, а к его отцу, – Димирь обманывает тебя. Я знаю, что вы задумали, но твой Знахарь делает это не для Малкута. Он хочет получить его силу. Я знаю, что есть другой способ. Я нашел способ, чтобы он жил.

Баспарт кинул вопросительный взгляд на Димирия.

– Он... что? – непонимающе пробормотал Наместник.

– Мой господин, я говорил вам об этом. Это нечестивое существо хочет запятнать Дитя Света. Я предупреждал вас что так будет, и что он будет говорить что угодно, лишь бы увидеть, как Малкут умрет в муках.

– Что? – пискнул наследник, понимая, что еще немного, и он попросту потеряет сознание.

– Чего? – прорычал Берк, его поза стала откровенно угрожающей. Длинный замшевый хвост, заканчивающийся острым роговым наростом изогнулся, как змея перед броском.

Баспарт смотрел на происходящие словно со стороны.

Димирь давно говорил ему, что дружба с бесом ни к чему хорошему не приведет, но сегодня Знахарь пришел к нему во время приготовлений к жертвоприношению и взволнованно рассказал, что боится, как бы нечисть не сорвала ритуал. Что в старой рукописи он вычитал то, на что не обращал внимания раньше. Нечисть может попытаться забрать душу Дитя Света и утащить в Хода Огненной Крысы... Димирь корил себя на чем свет стоит, что не обращал на эти записи внимания раньше, и не провел параллель между этими знаниями и бесом, втирающимся в доверие Наследника вот уже много лет... Баспарт успокоил его, велел предупредить стражу и быть начеку. И вот, как и предупреждал его друг, бес явился, чтобы все испортить и бьет по самому больному – говорит, что Малкут может жить... Хитер, как лис, сын Огненной Крысы. Хорошо, они были готовы к этому.

Баспарт устало махнул рукой и из потайной двери рекой потекли воины. В полной закрытой экипировке, готовые к атаке, с черно-рыжими нашивками на грудных латах.

Берк услышал, как ахнул за спиной друг. Два десятника заняли места справа и слева от Наместника и Знахаря, а остальные двадцать воинов выстроили полукруг, поставив в первый ряд крупных солдат в тяжелых доспехах, и закончив окружность шестью арбалетчиками. Те встали стеной и направили оружие в грудь беса.

– Сгинь, нечистая сила, – рявкнул Знахарь.

Берк ответил настолько нецензурной фразой, что Малкут снова ахнул.

Воины напряглись, ожидая приказа, но Баспарт покачал головой и поднял руку.

– Уходи, бес, – тяжело вздохнул он, – тебе не получить Дитя Света

– Старый идиот, – прорычал Берк, – пока получить его хочу не я, а твой больной на голову Знахарь. Малкут, – обратился он к другу, не оборачиваясь, – не верь им!

– Ну хватит, – взвизгнул Димирь, – убить нечестивого, освободить дитя!

Стража отреагировала моментально. Стрелы полетели настолько синхронно, что Берк даже залюбовался их полетом, а еще через мгновение его окутал сизый дым, и он совершил скачок. Появившись перед наследником также в клубах дыма, он схватил того за руку. И снова скачок, чтобы убраться мальчишка из-под летящих арбалетных болтов.

Материализовавшись у самых дверей, за большой дубовой лавкой, дети переглянулись.

– Ты веришь мне? – спросил бес.

Малкут, не зная, что ответить, кивнул.

– Беги к дверям и рви когти, я задержу стражу и найду тебя.

– Двери закрыты, Берк, – взволнованно затараторил наследник.

Он почувствовал, как в груди разливается боль. Так происходило каждый раз, когда он совершал что-то нехорошее, но сейчас мальчик старательно не обращал на это внимание.

– тогда не высовывайся, – Берк окинул взглядом тронный зал, и принял решение, – я освобожу нам путь, и мы бежим, – бес, сунул в руки Малкута кулек, что держал под мышкой, – береги это, как себя.

Он дернулся вступить в схватку, но друг поймал его за кисть.

– Берк, чтобы тут не происходило, отец не должен пострадать! – еле выдавил из себя Малкут.

Бес коротко кивнул и рванулся вперед. Дальше все происходило как в каком-то кошмарном сне, и, хотя друг велел Малкуту сидеть ниже травы, наследник поднялся над лавкой отказываясь верить собственным глазам.

Воины бросились на маленького беса, словно он был целой вооруженной армией, однако Берк даже не дернулся. Выпрыгнув из-за лавки, где спрятал друга, он в несколько скачков преодолел расстояние до стражи, кутаясь в дым и материализуясь то тут, то там, сбивая с толку стрелков, и, наконец, пошел в атаку.

Десятники давали короткие команды воинам, оттесняет параллельно Знахаря и Наместника ближе к тайной дверце. А потом все, кто присутствовал в тронном зале замерли, потому что с бесом стало твориться нечто невероятное. По его телу пробежала вибрация, а пламя в лиловых глазах вдруг загудело. Он вздохнул так глубоко, что грудь выгнулась колесом, а дальше... На его развернутых ладонях начало зарождаться настоящее пламя, с гулом и все возрастающим ревом. Пока стража заворуженно смотрела на невообразимое действие, разворачивающейся у них перед глазами, Берк замахнулся и один кипящий огненный шар полетел в ряды воинов. Сфера с гулким шлепком ударилась о бронированные нагрудники одного из арбалетчиков и исчезла, словно проникнув в человеческое тело.

Воин ахнул. Вместе с хрипом с его губ сорвались лепестки пепла. Глаза закатались, и он осел, сперва на колени, а затем ткнулся лицом в темный бархат. Мгновенье спустя он был мертв.

Второй шар угодил в лицо десятника, и он тоже сполз вниз.

– Сжигающий душу, – крик Знахаря заставил воинов дрогнуть, – это сжигающий душу. *Онис!!!*

Димирь пригнул голову и толкнув Наместника вглубь потайного прохода пустился вместе с ним наутек.

Воины бросились врассыпную.

– Я. ваша. кара, – голос Берка звучал так, словно он эхом прокатился по Ходам Огненной Крысы и вернулся в этот мир из самой преисподней.

Тронный зал заполнился криками ужаса, а бес все кидал и кидал сферы. Если он промахивался мимо воинов, шары вспыхивали и пламя принималось жадно поедать все, до чего могла дотянуться. Рев огня стал таким громким, что остальные звуки в нем потонули. Жар в помещении был невыносимым, а бес не останавливаясь творил все новый огонь.

Когда все было кончено, Берк махом руки притушил разбушевавшуюся стихию и повернулся к Малкуту.

Мальчик сидел за лавкой, поджав под себя ноги и обняв сам себя за плечи. Он раскачивался из стороны в сторону, его глаза были полны слез и суеверного ужаса. Наследник смотрел словно сквозь беса, на искалеченные поломанные тела.

Берк протянул руку. С его пальцев поднимался дым.

– Идем, – бесу было не до сантиментов.

Утирать сопли друга он будет как-нибудь в другой раз, а сейчас пора бежать, пока Димирь не призвал себе в помощь силу Лито'о'Лешрака. С боевой магией Знахаря бесу, конечно, не сладить. Благо на получение *благословения* у Димирия уйдет какое-то время.

– Малкут, идем, – тон непреклонен, слова звучат, как приказ, но несмотря на весь ужас, развернувшийся прямо на глазах наследника, мальчик подался вперед и встал.

Вытерев рукавом рубахи слезы, он осторожно подобрал кулек из-под скамьи и вложил руку в протянутую ладонь. Бес молча ее сжал и совершил *скачек*.

Как они бежали по улицам Харота Берк не помнил, где-то прыгали, где-то притаивались в тени. По мостовой, по красным черепичным крышам, по деревьям.

Наместник быстро кинул на поиски дворцовую гвардию. Димирь обильно обвешал воинов амулетами и оберегами. Берк сплюнул на мостовую, заметив очередную группу охраны.

В побрякушках не было не только смысла – все они были липой и единственное на что годились, так это на вселение пустой уверенности в сердца солдат – но не было и необходимости. бес потратил все скопленные за жизнь силы. Следующий такой фейерверк он сможет устроить еще очень нескоро.

Сила вырывалась из тела толчками, как пульсирует кровь при глубокой ране. Делать скачки становилось все труднее и бес едва не завопил, когда понял, что стоит уже почти вплотную к трактиру «Сам пришел» и до убежища осталось подать рукой.

Малкут тащился за ним, как тряпичная кукла. Спотыкался, терял ориентировку в пространстве, когда бес прыгал, оступаясь падал – вставал, не проронив ни звука и держа под мышкой кулек, что дал друг. Его мышцы были напряжены до предела, бес знал, что изнутри Дитя Света ест боль за содеянное. И не моральная, а самая настоящая, физическая. Словно это не в воинов, а в него самого попал карающий огонь сына Огненной Крысы.

Берк бросил взгляд на площадь, высунувшись из-за одного из шатров бродячего цирка и уже собирался ринуться через нее к трактиру, как едва слышно лязгнули доспехи и откуда -то справа вышли двое вооруженных до зубов солдат. Беглецов они заметили сразу. Белая рубаха Малкута в сизых сумерках Асханны была, как маяк на берегу Рубинового моря. Пока воины пугливо замерли, Берк весьма решительно отогнул полог шатра, подцепив его острым когтем и, сперва толкнув внутрь Малкута, исчез за ним.

В шатре места было много больше, чем казалось снаружи. Купол был совсем не таким, как выглядел с улицы. Тут был высокий деревянный потолок, керамическая круглая люстра, дающая теплый, приглушенный свет. Где -то в глубине виделась большая кровать, задернутая палантином. Здесь уместились и высокий шкаф, и обеденный стол, и десять небольших, но крепких табуреток, обитых красным бархатом. Немного левее стоял стеллаж с книгами, а прямо рядом с незваными гостями уютно устроился мягкий диван, на котором лежал, листая книгу, мужчина.

С появление незнакомцев он вскочил на ноги одним плавным, неуловимым движением, словно перетекая с места на место. Он был высоким, тонким, как плеть и таким же опасным. Его лицо ото лба и до самых скул было закрыто белой маской с длинным, похожим на птичий клюв, носом. Темные, короткие волосы беспорядочно взъерошены, серые глаза прищурены. Величайший иллюзионист мира по обе стороны Разлома – господин Фоукс – стоял, напрягшись, и готовый ответить на атаку.

Берк моментально оказался между ним и Малкутом и протянул руку в останавливавшем жесте.

– Я не причиню тебе зла, – голос беса звучал глухо.

Глаза в прорезях маски улыбнулись, хотя тонкие губы остались плотно сжатыми. Малкут покачнулся, едва слышно застонал и осел на край дивана. Его лицо исказила мука, кулек выпал из ослабших рук и недовольно пискнул.

В это же мгновение полог шатра колыхнулся и по земле скользнула военная алебарда. Она неуверенно подцепила край материи и стала тихонько приподниматься.

Фоукс отреагировал мгновенно. Он дернул со стоящей чуть позади него вешалки длинный, черный плащ и приложив палец к губам окутал его вокруг беса. Берк на секунду ощутил на лице и руках прикосновение прохладного атласа, но затем незнакомец дернул ткань на себя и после небрежно кинул поверх корчащегося на диване Малкута. Кулек был развернут легким движением и появившийся оттуда взъерошенный Зорька недовольно крикнул. Мужчина цокнул, махнул рукой, и королевский сокол замер, как чучело.

Черт остолбенел, а на пороге уже появились двое офицеров. Один высокий и тощий, другой полноватый и низкий, как бочонок варгардского пива. У обоих лица закрывали забрала, а под кольчугой блестела белая материя священной рубахи. Бес фыркнул.

Фоукс сложил руки на груди и обезоруживающе улыбнулся.

– Господа? – его голос был низким, урчащим, чарующим, – чем обязан?

Солдаты опасливо озирались по сторонам, пытаясь понять, как такие роскошные апартаменты поместились под крошечным конусом шатра. Иллюзионист дал им вдоволь насмотреться, а затем повторил вопрос. Солдаты осознали себя плящимися без дела, и моментально вытянулись в струнку, подняв забрала, но продолжая бегать по убранству взглядом. Тот, что стоял чуть правее – грузный с пушистыми рыжими усами сбивчиво объяснил, мол, нечисть во дворце завелась, да наследника увела. Невиданная вещь.

– Беда- а- а, – протянул Фоукс, – а чем же я тут могу быть полезен?

Теперь тощий солдат слева робко разъяснил, что в ночи почудилось, будто нечестивый под шатер шмыгнул.

Хозяин шатра взволнованно всплеснул руками:

– Ну что- что, а уж нежить какую я бы в своей обители приметил, но, будьте так любезны – проверьте, как следует, – он сделал приглашающий жест и слегка поклонился.

Солдаты переглянулись, неуверенно переминаясь на пороге, но затем прошли внутрь.

Берк не дышал. Он словно сторонний наблюдатель следил, как вооруженная охрана Наместника перерывает шатер – смотрит в шкафы и под палантин, под кровать и обеденный стол, проходя мимо него – в двух шагах и не замечая. И вот рыжий солдат, подойдя к дивану, дернул плащ, под которым притаился Малкут.

Берк ахнул и дернулся, но невидимая сила тисками сковала его, не давая сделать и шага, вынуждая стоять и смотреть, как стажа потащит друга к безумному мяснику – Знахарю.

Однако рыжий воин не собирался никого никуда тащить. Бросив плащ, откуда взял, он спокойно пошел дальше. Берк уставился на диван во все глаза. Малкута на нем не было. Хозяин шатра озорно подмигнул опешившему бесу и обратился к страже.

– Уважаемые, – его голос был полон соучастия, доброжелательности, и плохо скрываемой иронии, – могу ли я спать спокойно?

Солдаты переглянулись.

– Все чисто, господин Фоукс, – обратился к нему тощий, кивая, – просим простить за беспокойство.

Мужчина уверил доблестную стражу, что все в порядке и быстренько вытолкал за порог.

Когда доспехи глухо лязгнули уже где-то в пролете соседней улицы, он подскочил к дивану и дернул плащ. Малкут – бледный и покрытый испариной – лежал там.

Берк не верил своим глазам, он был готов дать руку на отсечение, что мгновение назад никого под бесформенной черной материей не было.

Мужчина подошел к бесу.

– Твоему другу совсем худо, – он неторопливо обернул Берка плащом и тот почувствовал, как сила, держащая его, пропала. Мальчик дернулся, слишком резко, не рассчитав силы, и упал на колени рядом с диваном. Зорька уже отряхнувшись от чар протяжно крикнул и принялся недовольно чистить куцые перья.

Голубые глаза Малкута впились в лицо друга.

– Ты в порядке? – прошептал наследник белыми сухими губами.

Черт почувствовал, как в груди, где-то под ребрами что-то защемило. Это было странное, незнакомое чувство и он поежился.

– Я в норме, – глухо буркнул он, – ты молодец, Малли. Потерпишь еще чуть- чуть?

Малкут едва слышно застонал, но кивнул. Боль, бушующая внутри, разыгралась не на шутку, в ушах шумело, а голова была готова лопнуть, как переспелый арбуз.

Черт не желал медлить.

– Господин Фоукс, – обратился он к иллюзионисту, поднимаясь в полный рост, – меня зовут Берк. Я друг Греманна и Глаи, мне нужна их помощь.

Мужчина повел плечами. Знать имя сына Огненной Крысы во все времена считалось плохой приметой. Особенно, если сын сам тебе его называл... Это могло значить или скорую кончину, или безграничное доверие и иллюзионист, отбросив суеверия, сделал ставку на второй вариант.

– Друг Гремманна и Глаи – мой друг. Может я смогу быть тебе полезен?

Черт внимательно оглядел мужчину, который только что укрыл их от людей Наместника, и едва заметно кивнул.

Он достал из-за пазухи нож и моток ниток. Положил моток рядом с Малкутом, а нож сжал в кулаке.

Фоукс едва заметно побледнел, нечестивый с оружием в руках выглядел угрожающе при любом раскладе, но тем не менее мужчина не сделал ни шага в сторону от беса.

– Вставь, пожалуйста нитку в пять своих ладоней длиной в иголку. А я сейчас вернусь.

Малкут снова застонал и Берк вылетел из шатра. Не глядя по сторонам, он собрал последние силы, скачком пересек открытую, как на ладони, площадь и оказался у самого трактира. Нашел в его задворках мирно посапывающего под уличным фонарем пьяницу и одним уверенным движением полоснул ножом по тени, бесформенным комком лежащей под его телом.

Спящий даже не ахнул, просто моментом побледнел и только. Казалось, он все также безмятежно спит.

Берк вытер ладонью нос и осторожно подцепил тень на кончик лезвия. Она дрожала, как ягодное желе, пуская тихие вибрации к рукоятке ножа.

Черт посильнее сжал кулак и бросился назад к другу.

В шатре картина была странной. Малкут метался по дивану в агонии, а Фоукс с Зорькой сидели на полу перед мотком ниток. Когда появился Берк, мужчина поднял на него недоумевающий взгляд и пожав плечами протянул к клубку руку. Тонкие пальцы прошли сквозь него, словно тот был сделан из воздуха.

– Прости, бес, кажется я оказался совершенно бесполезен.

Сокол тихо каркнул в подтверждение слов фокусника. Берк цокнул языком и, подбежав к дивану, схватил моток. Вытаскивать иглу и отматывать нити, сжимая в одной руке дрожащий кинжал было очень непросто, но он справился. Затем бес продел нить в ушко, закрепил узелком и сел на пол перед Малкутом.

– Дружище, – позвал он, но мальчик не отреагировал. По его лбу струился пот, запыхавшаяся и потерявшая свой былой лоск рубаха была мокрой насквозь. Наследник стонал.

– Малкут, – Берк позвал громче, – я не справлюсь один, дружище.

Фоукс замер за спиной беса, сложив руки на груди и прижав кулак к сжатым в одну линию губам.

Мальчик хрипло задышал и открыл глаза. Они были подернуты мутью, но он осмысленно посмотрел на беса.

– Мне нужно, чтобы ты полежал спокойно, – глядя в голубые глаза, проговорил Берк, – я не знаю, что выйдет из всего этого, но это последний шанс. Ты сможешь?

Малкут издал протяжный стон и его скрючило, как червячка на рыболовном крючке, но затем он кивнул и, собрав волю в кулак, выпрямился. Фоукс, кажется, понял, что задумал бес, и сделал легкое движение рукой, прямо над ступнями наследника, сказал:

– Шей здесь. Он не почувствует иглу, – легкие тряпичные ботинки слетели с ног наследника.

Берк благодарно кивнул и приступил. Уже с первым стежком стало понятно, что иллюзия не сработала. Малкут заорал так, что матерчатые стены шатра дрогнули, Зорька недовольно захлопал крыльями. Тогда Фоукс провел рукой над его головой, и несмотря на то, что наследник разевал рот, а на его шее выступили вены, из горла не вырвалась ни звука.

Шить было неудобно, на вытянутой вверх руке бес держал нож, с которого свисало бесформенное желе тени, она дрожала, дергалась, Малкут пытался вырваться из тисков, которыми сковал его Фоукс, но через какое-то время просто потерял сознание, а Берк все шил, пришивая тень к пяткам наследника. Игла входила в живую плоть, как раскаленный нож в сливочное масло, с каждым новым стежком Малкут дергался, но не мог шевельнуться по нормальному. Крови не было, но бес чувствовал, как вокруг его пальцев снует сила.

Бес сделал последний стежок и не успел закрепить нитку, как она зашипела и испарилась. Бесформенное месиво тени, вздыбилось, изогнулось упругой дугой, дрогнуло последний раз и переползло под тело нового хозяина, забившись подальше от теплого света керамической люстры. Зорка захлопал крыльями, а иллюзионист вздохнул и снял свои чары с мальчика. Малкута почти сразу перестало трясти, на бескровные щеки вернулся румянец. Уже через несколько минут его дыхание восстановилось, стало коротким, но ровным. Казалось, мальчик просто спал. Увидев это Берк не без труда поднялся на ноги, улыбнулся Фоуксу, а затем слегка сгорбился, качнулся и осел на пол, потеряв сознание.

Шаг третий

Малкут видел время. Оно текло назад. Огненный сезон, потом время земли, водные месяцы- один за одним- потом период воздуха- все в точности до наоборот обычного положения вещей. Мир пустился вскачь, набирая скорость. Стирались грани между годами. Время, события, даже люди. С головы отца пропадала седина, белые одежды Димирия сменялись серым балахоном, лицо беса становилось более пухленьким, уходили хищно выступающие скулы. Дикий виноград, украшавший вход в беседку собирал свои чуткие тонкие щупальца, сама беседка исчезла из дворцового сада, пропал гном, ухаживающий за растениями, Зорька еще мог расправлять свои крылья, а потом стал совсем крохотным и запахнулся в скорлупу. Нянечки, что ухаживали за маленьким наследником, молодели с каждым безумным оборотом временной оси. Малкут бесформенной субстанцией плыл сквозь этот поток, отрешенно глядя со стороны на силуэты прошлого, как вдруг... Все замерло.

Словно сработал какой -то выключатель – мир остановился и сознание мальчика зависло в одной точке. В начальной точке.

Это была комната северного крыла замка. Ее большие окна выходили на дворцовую площадь с одной стороны, а с бокового угла открывали обзор на сад. В этом году там уже во всю цвели вишни- слишком рано из-за наступившей в самом начале месяца молодого пламени устойчивой жары.

В комнате было много света, лучи солнца проникали в помещение и скользили по нежно-розовым, почти белым стенам с легким перламутровым отблеском. Уже завтра жемчужная комната оденется в черный. Она опустеет и быстро появится запах затхлости. Ставни будут закрыты, а на окна лягут тяжелые черные шторы, перевязанные рыжими лентами, но сейчас здесь было тепло, нежно и очень уютно.

На большой кровати под балдахинном сидела красивая молодая женщина с забранными в хвостик светлыми волосами и книжкой в руках. Она устроилась у изголовья, подобрав под себя ноги и нежно гладила ладонью свой большой живот, читая вслух любимые всеми детьми Асханны сказки странствующего барда и музыканта – Мино.

На кресле возле кровати утонула в перинах повивальная бабка. Тучная морщинистая старуха, чье лицо осталось невероятно милым и добрым, несмотря на отпечаток возраста, тихо посапывала, укрывшись теплой цветной шалью. На столе возле окна стояло все, что было необходимо для принятия родов. Теплую воду бабка набирала заново каждые полчаса, чтобы вода сохранялась нужной температуры, и уже к середине дня набегалась так, что уснула. Женщина не стала ее будить. Ни сейчас, ни когда почувствовала неожиданную боль у солнечного сплетения.

Сперва она сама не обратила на нее внимания- женщина была на последнем сроке, живот часто прихватывало в этот период. Но потом боль становилась сильнее и сильнее, а когда начались схватки ее просто невозможно стало терпеть.

Это случилось ближе к вечеру. В комнате началась кутерьма, бабка причитала и бегала вокруг роженицы, меняя теплые полотенца, служанки сновали туда- сюда, таская ведра чистой водой и унося тазы уже с медно- красной.

– Белия, девочка моя постарайся не кричать так сильно, – умоляла повитуха, но женщина ее уже не слышала.

Она металась по кровати, обезумев от боли. Ее глаза закатались, по лицу градом струился пот. Малкут равнодушно наблюдал за происходящим, перетекая, словно потоки воздуха, по комнате в которой творилось настоящее сумасшествие.

– Ох, Хранительница Огня, погибнет, ребеночек, – прошептала под нос бабка.

– Нет! – роженица закричала так громко, что служанка, стоящая слева от нее, вздрогнула.

– Нет! Нет! – в глазах Белии появилась осмысленность, она схватила повитуха за руку и натужно застонала, – Лима. Нет... Только не ребенок.

– Прости, дочка, – бабка положила роженице руку на лоб, – но не суждено ему.

Она что -то зашептала, сильнее сдавливая виски женщины. Роженицу опять скрючило болью, и она заорала, но потом выпрямилась и из последних сил вцепилась Лиме в толстые, огрубевший пальцы, убрав от своей головы.

– Пусть я тогда, – едва слышно застонала она, повитухе пришлось наклониться ближе, чтобы разобрать, что женщина говорит.

– Пусть я тогда, Лима, ребенок... Мой ребенок должен жить. Я уйду, а он должен жить. Слышишь? Сделай так, чтобы он остался жить.

Бабка ахнула.

– Думай, что просишь! – она выдернула руку из ослабевающих пальцев роженицы.

– А это... Это... Это не просьба, – каждое слово давалось Белии с огромным трудом, – я приказываю.

С лица старухи сошла вся краска, она смотрела на бледное, залитое потом лицо.

– Дочка, как же так... Что же ты творишь? Неужели ты серьезно?

Лицо Белии исказила гримаса боли, однако она очень мягко, без рывка, повела правой рукой в сторону, и рука повивальной бабки против воли потянулась следом, словно прикованная невидимыми кандалами.

– По- твоему, я сейчас могу шутить?

Старуха заскрипела зубами, засопела, на ее простодушном, миловидном лице вдруг проступил совсем другой облик – кривой, крючковатый нос, маленькие красные глазки и острые желтые зубы за тонкими бескровными губами. Мгновение и он исчез. Повитуха резким движением указала служанкам на выход. Те повиновались без лишних слов.

– Никогда ни в чем в своей жизни, я не была так уверена, как в этом решении, Лима. Сделай, что должно.

Бабка вздохнула и обвела голову роженицы круговыми движениями.

– Может и не выйти, – упрямо повторила бабка, проводя старый, как мир ритуал.

– Ничего, – женщина вдруг вымученно улыбнулась, – ты сама меня учила – чужое бесу не продать. Так что все будет так, как должно быть.

Старух хмыкнула, на лице залегло подобие улыбки. Ее руки все быстрее носились над головой Белии, глаза закатились. На какой -то момент показалось, что от повитухи осталась лишь одна материальная оболочка, а дух куда -то исчез.

Не было понятно в какой момент роженица потеряла сознание. Просто глаза ее наконец закрылись, спина выгнулась дугой, с уголка рта потекла красноватая пена, а уже через мгновение ребенок, за чью жизнь мать готова была отдать в выкуп свою, появился на свет и закричал так, что задрожали оконные стекла.

Мир в узкой прорези тента пах сухой травой и слегка покачивался. Жара стояла дурманящая, хотя день только начинался. В синем небе висело большое тяжелое солнце, на слабом ветру колыхалось марево, а по земле скребли колеса. Был слышен тихий разговор, у которого невозможно было разобрать слов. Мир же не просто покачивался, он ехал, и в этом не могло быть никаких сомнений. Или ехала крыша, потому что, сколько Малкут себя помнил, он никогда в жизни никуда не ездил.

Мальчик распахнул глаза шире и сел. Он нашел себя уютно расположившимся на импровизированном ложе из двух пуховых матрасов и яркой лоскутной простыни внутри бревенчатой повозки, которая, как не удивительно, действительно ехала. И ехала она на восток Асханны, прочь от Харота по самому палящему зною, возможному за весь год.

Малкут похлопал глазами и потянулся. Мышцы затекли, словно он спал несколько месяцев, было слышно, как прохрустели суставы. Одежда была явно не его. Слишком широкие штаны, подвязанные бечевкой, слишком длинная рубаша, из рукавов которой торчали только самые кончики пальцев, мягкие мокасины.

В нос ударила пыль, голова моментально закружилась и пришлось сделать несколько глубоких вдохов, ожидая, пока мир перестанет вертеться.

Разговор, доносящейся с козел повозки, было едва слышен и, прислушавшись, Малкут понял, что говорила женщина. Казалось бы, даже сама с собой. Ее голос был мелодичным и очень живым, интонации менялись с каждой произнесенной фразой.

Мальчик перевернулся на колени и неуверенно подполз ближе к отогнутому куску тента, теперь голос стал достаточно громким, чтобы разобрать отдельные фразы.

– Неделя целая, Гера. Они должны были уже вернуться.

Ответом была тишина, но женщина заговорила снова. Да так, словно вела с кем-то беседу.

– Что ты заладил, Фокус, Фокус. Он иллюзионист, а не волшебник! – в голове слышались недовольные нотки, – если воины их нагнали? Я боюсь представить, что они могли с ними сделать!

Тишина.

– Нельзя была пускать их с Лиской одних, – теперь тревога, и снова никто ей не ответил.

– Алания? И чем он поможет – твой Алания? – заворчал голос, – замолит стажу до смерти?

Малкут подполз еще ближе, пытаясь услышать того, кто женщине отвечает, но все тщетно. Только монотонный скрип колес нарушал ее монолог.

– Знаешь, Гера, тебя послушать – так я всех недооцениваю! Клирик- *apostata* не так у тебя прост. Иллюзионист, зеркал боящийся, как огня, с целой свитой Наместника справится может, если захочет. Одна жена твоя, похоже, проще не придумаешь!

– С женой сложнее, чем с отступником?! – женщина вскрикнула, после недолгой паузы, да так звонко, что Малкут вздрогнул, – ну, знаешь! С такими разговорами, Греманн, ты можешь остаться вообще без жены! Пойду проверю мальчиков, не хочу с тобой разговаривать.

Малкут не успел отпрянуть, как желтый матерчатый полог повозки поехал в сторону, и он почти столкнулся с фигурой, обвешанной разноцветными накидками. Платки лежали так плотно, что из-под них виднелись только большие лазурные глаза, полные волнения.

Женщина ахнула и всплеснула руками.

– Очнулся! Греманн, он очнулся!!

За ее спиной на вожжах сидел широкоплечий, крепкий мужчина, тоже закутанный в цветные накидки.

Услышав восклицание, он натянул поводья, заставляя двух огромных животных, тащивших не только эту, но и шесть прицепленных сзади повозок, остановиться. Колонна бродяг замерла.

Малкут хлопал глазами, привыкая к яркому солнечному свету и ошарашено смотрел на спины, запряженные в упряжь. Мальчик понятия не имел, что это за звери. Огромные – больше повозки – с телом, покрытым буграми мышц, и острыми рогами, украшающими крупную бычью голову. Ноги были не очень длинными, но настолько мощными, что казалось, могли бы поспорить толщиной с дубами Баира. На головах странных быков были намотаны цветные платки, смоченные водой.

– Ох, ну наконец -то! – причитала себе под нос женщина, и платок на ее лице ходил ходуном от теплого дыхания, – мы так боялись, думали, что может ты и вообще никогда не очнешься. Ведь никто не знал, к чему приведет задумка Берка. Ох, как же хорошо.

Женщина спешила и поманила его к себе.

– Вылезай скорее, дай хоть на тебя посмотреть!

Пожилой мужчина тряхнул рукой, отбрасывая края накидки и протянул Малкуту огромную ладонь.

Мальчик недолго поколебался, но затем все-таки решился опереться на нее и спрыгнуть с повозки.

Вокруг на сколько хватало глаз лежала степная равнина. Земля под ногами была горячее, и вся шла узором витых трещин. Это хорошо чувствовалось через тонкую подошву мокасин. Солнце слепило яркими лучами, делая небо над головой практически белым. Ветер поднимал клубы песка и мелкой гальки, гоняя туда-сюда поземки. У Малкута, за жизнь не видящего ничего масштабнее дворцового сада, перехватило дыхание и защипало глаза.

Женщина, улыбнувшись нежно, положила свою теплую руку ему на плечо.

– Долго не стой. Без хансулатских накидок сгоришь на солнце. Меня зовут Глая. Это мой муж – Гремманн. Ты Малкут, верно?

Мальчик кивнул, будучи не силах оторваться от вида, раскинувшегося перед ним.

– Как ты себя чувствуешь, у тебя что-то болит?

Малкут прислушался к своим ощущениям. Сосушая, опустошающая боль, шествующая с ним об руку каждый раз, когда он делал что-то не так, пропала, и мальчик ошарашено покачал головой. Это не скрылось от внимательных взглядов супругов.

– Вот что, – Глая махнула, – полезай-ка обратно. Привал сделаем через полчаса, как закончится Пустая земля. Тогда со всеми и познакомишься.

Гремманн кашлянул.

– Ну, почти со всеми, – поправилась Глая, – хоть расскажем тебе, что произошло. Хорошо?

Малкут опять лишь кивнул.

Взобравшись обратно на повозку, он обернулся к женщине.

– Глая, – голос мальчика был тихим и сипловатым, лицо исказила гримаса – горлу явно было непривычно вновь издавать звуки, слова кошкой царапнули по нему.

– Да? – женщина уже забралась на козлы рядом с мужем.

– А где Берк? – задал мальчик единственный волнующий его вопрос.

Женщина едва заметно напряглась, но быстро улыбнулась, он увидел это по морщинкам, залегшим у ее глаз.

– Он отдыхает, Малкут. Все подробности на привале. Сейчас нам дорога каждая минута.

Хотя на сердце было тревожно, мальчик не стал спорить. Он столько был без сознания – сможет подождать встречи с другом еще полчаса.

– Малкут, – раздался из-за почти опустившегося тента голос Глаи.

Мальчик высунул голову.

Лицо женщины стало сероватым, но она все еще тепло смотрела на ребенка.

– Это, кажется, твое, – она указала на место, где он стоял минуту назад. Там бесформенным пятном лежала... тень.

Самая настоящая, может только слегка более темного цвета, чем обычно, корчащаяся под лучами солнца.

– Это точно моя? – испугано пролепетал Малкут, совершенно не зная, как на происходящее реагировать, но боясь показаться невежливым.

Гремманн хмыкнул. Глая кивнула.

– Вне всяких сомнений. Наши тени, знаешь ли, сами по себе не гуляют.

Мальчик осторожно мотнул головой, как бы подзывая тень за собой. Та легонько дрогнула и послушно перетекла в повозку. Малкут нервно сглотнул и задернул полог.

Привал удалось устроить только через полтора часа. Гремманн не щадя гнал яшуров, и их тяжелые, свинцовые копыта гулко бились об иссушенную беловатую землю. Они остановились

только когда у одного из быков подломились ноги, и он просто завалился на бок, тяжело дыша и закатывая огромные золотистые глаза с узкими горизонтальными зрачками. К тому моменту беглецы как раз достигли кромки леса Семи, и Пустая земля оказалась позади.

Шатры разворачивать не стали, только развьючили быков, да запахнули плотнее хансулатскую холщевку на телегах, чтобы сохранить хоть какую-то прохладу внутри. Вагоны загнали под редкий навес сосновой рощи, и расположи по кругу. Опушка стала похожа на небольшое разноцветное солнце с шестью лучами. Седьмую повозку с раскладной перевозной клеткой, в которой отдыхали яшуры, спрятали глубже в лес, затянув тентом практически наглухо. Сейчас лучшим лекарством для огромных животных были сон и прохлада. Бронебойные быки могли восстановиться достаточно быстро, но только в условиях полного покоя.

Малкут, неуверенно отогнул раскрашенный желтой пастелью полог вагончика, принадлежащего руководителю цирка и его супруге, и спрыгнул на землю. Солнце зависло далеко на западе и редкие обжигающие лучи пробивались сквозь кроны корабельных сосен. На этих светящихся нитях висела пыль, бесцеремонно поднятая колесами телег.

Малкут окинул взглядом округу. Бродяги разбивали лагерь в абсолютно тишине. И хотя они работали в команде, каждый был занят своим делом. Теперь, когда в благодатной тени путники скинули лишние одежды – хансулатские плащи и накидки – Малкут смог их хорошенько рассмотреть.

Высокий – за два метра ростом – абсолютно лысый мужчина, с вязью причудливых татуировок на затылке, весь состоящий из узлов бугрящихся мышц с темной, блестящей от пота кожей, таскал к синей повозке плоские и гладкие булыжники, отрывая много килограммовые камни от земли так, словно те были легче тополиного пуха. Ему явно подходила не каждая глыба, потому что сперва он внимательно осматривал каждую из них, проводя большой раскрытой ладонью и почти касаясь глади, и только если удовлетворенно кивал, осторожным, выверенным движением закидывал себе на плечо и нес ближе к лесу.

– Это Йерги, – мальчик с любопытством наблюдающий за действием, развернувшись на унылой опушке, вздрогнул от неожиданности, когда к нему бесшумно подошла Глая. Женщина тоже сняла платки и теперь Малкут увидел добродушное светлое лицо, полные бледноватые губы и глубокие морщинки в углах голубых глаз.

– Йерги дрессировщик, – продолжила женщина, – который научил нас обращаться с быками. Он присоединился к нам на самом севере Асханны – почти на границе с Годро – вместе со своими «питомцами».

Малкут восхищенно следил за тем, как силач, натаскав необходимое ему количество камней, достал из синей повозки, в которой лежал весь скарб, ковшики, несколько поварешек, большую бадью, наполненную родниковой водой и принялся готовить обед.

Глая расхохоталась, видя неподдельное удивление на лице мальчика, Малкут смущенно улыбнулся в ответ.

– Да- да, он еще и повар, – женщина смотрела на Йерги, которому едва достала бы до солнечного сплетения своей белокурой макушкой, с нескрываемой нежностью, – до его появления в нашей труппе мы питались всякой походной дрянью, а в телеги впрягали варгардских тяжеловозов. Ты их когда-нибудь видел?

Мальчик покачал головой.

– Они больше похожи на маленьких кучерявых ослов, но жрут за троих. В одну повозку приходилось запрягать пару, а стадо в четырнадцать голов кормить было тяжело. Яшуры изрядно облегчили нам жизнь, так как вдвоем тащат целую колону.

Силач тем временем налил в алюминиевые кастрюли воды и поставил на булыжники. За день те раскалились до такого состояния, что жидкость начала весело булькать уже через минуту.

Малкут восхищенно ахнул и Глая снова улыбнулась.

– Это особая порода камней – каю, огненные камни. Даже в месяц синего пламени и ранней осенью она впитывают солнечное тепло, как губка, и еще очень долго хранят этот огонь. В такую пору готовить на них, конечно, не получается, но Йерги выкладывает их вокруг лагеря и ночь мы проводим в тепле.

Из чащи на опушку тем временем вышли трое. Рядом с крепким, коренастым Гремманом, который тоже снял многочисленные платки со своего тела и остался в светлых штанах и просторной походной рубашке, шел высокий, светловолосый и кареглазый мужчина. Его нос был озорно вздернут, а приветливое лицо украшено россыпью веснушек. Справа был второй – немного пониже, и старше, с волосами цвета воронова крыла, заплетенными в косички и забранными в хвост на затылке и внимательными бархатными глазами цвета крепкого кофе.

– Влат и Кхан, – коротко ответила женщина, блондин приветливо махнул рукой и улыбнулся.

Гремман отдал мужчинам какое-то молчаливое распоряжение, и они, кивнув – Влат размашисто, а Кхан хмуро и коротко – двинулись его выполнять.

– Они акробаты. Плюс помогают Йерги следить за быками, – медленно говорила Глая, – чистят клетку, поят и кормят самих животных.

По очереди мужчины проверили каждую из шести повозок. Влат пробежал пальцами по колесным парам и буксам, осматривая обтянутые кожей грубой выделки тормозные башмаки, убеждаясь в надежности и прочности креплений, добавляя техническое масло в движущиеся части и подкручивая при необходимости винты небольшой карманной отверткой. Кхан инспектировал повозку, на половину туловища исчезая под каркасами телег, затем вылезал и внимательно осматривал боковые рамы на предмет трещин и сколов. Кроме того, каждая повозка была по периметру обхвачена стальными поручнями. Сверху – почти по крыше, и по основанию. Не успел Малкут спросить, для чего, как Влат легко впрыгнул на нижний поручень и придерживаясь за верхний прошел по каждой повозке. Так можно было передвигаться между вагончиками, не касаясь земли и не останавливая движения, а после такой основательной проверки если надо будет срочно отправляться в путь, повозки будут к этому готовы.

Пока каждый занимался своим делом, Глая неторопливо представила Малкута Бродягам и рассказала, наконец, что произошло, пока он был без сознания.

Харот встал на уши. Сержанты армии Наместника переворачивали вверх дном каждый дом в каждом кольце столицы. Дворцовое кольцо прочесали меньше, чем за час и труппа, которая расположилась у самых ворот, соединяющих Ярморочное кольцо и площадь, приняли решение бежать. Дальше события развивались со скоростью лавины, спускающейся в месяц тревожного потока с Архаррских хребтов. Шатры умудрились свернуть быстро и не привлекая особого внимания. Солдаты разогнали зевак по домам и по Кольцам был объявлен комендантский час, поэтому улица перед трактиром «Сам пришел» опустела. Солдаты схлынули вниз по Ярморочному кольцу и теперь проверяли торговцев и ремесленников, продвигаясь вглубь.

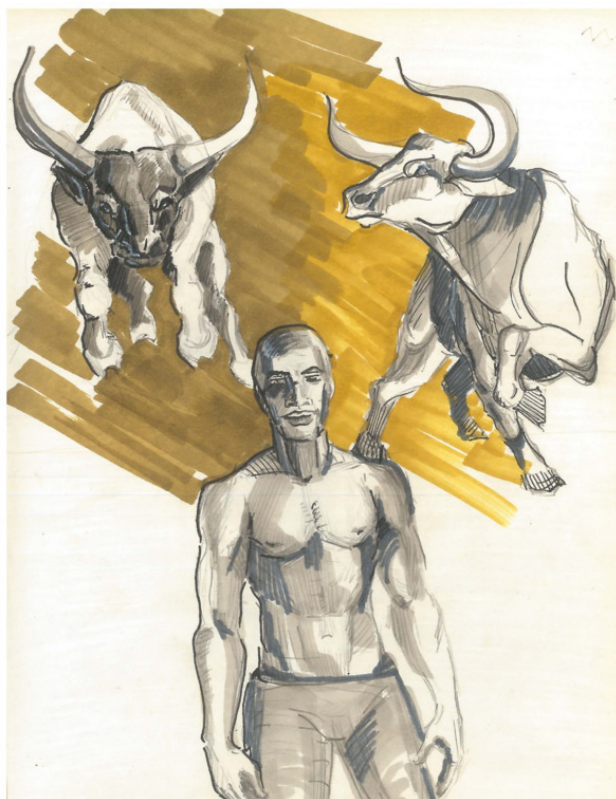
Яшуры, запряженные в тонкую кожаную упряжь с серебряными клепками нетерпеливо переминались на своих мощных ногах, пока Бродяги обсуждали последние штрихи слепого на скорую руку плана. Спустя еще пару минут повозки неслись к южным створкам трех колец. Это был самый старый и плохо охраняемый выезд из столицы, упирающийся прямо в Пустые земли, на которых не было ничего живого уже много лет и до самого Рубинового моря тянулась иссушенная, больше похожая на песок почва. От южных земель Асханны Мертвая земля была отрезана горной грядой – Цепью Саила – которая вытянула свой хребет почти до леса Семи. В былые годы, после Войны Драконов и Разлома, когда страны немного встали на ноги, через южные створки уходили только, чтобы никогда не вернуться. Еретики, предатели, шпионы – их участь была страшнее смертной казни.

Два огромных бронированных быка на удивление изящно летели по узким улочкам. Ярморочное кольцо удалось пересечь за пару десятков минут. Дальше было сложнее. Здесь

кварталы были разлинованы хаотично и на резких пересечениях повозку заносило, темп приходилось сбавлять.

Сидящий на козлах Йерги уверенно давал команды животным, выбирая самые темные и безлюдные подворотни. Семь разноцветных и одинаковых по размеру повозок, не скрипя и почти не кренясь поворачивали по узким улочкам, словно шли по невидимым рельсам. Яшуры, взявшую хорошую скорость, смели бы любого, попавшегося на их пути, но редкие зрители, которые могли встретиться в этот час, увидели бы только порыв буйного ветра, невесть откуда взявшегося в черте города. Фоукс не только скрыл беглецов под мороком, но и наворочив себе иллюзию из семи разноцветных повозок и двух яшуров рванул в противоположную от южных ворот сторону, и в то время, как настоящие повозки беспрепятственно проскочили последнее Кольцо города и уверенно понеслись вдоль горной Цепи Саила. Фоукс, Лиска и Алания забрали преследование на себя. Бродяги шли без остановок много дней. Выносливости яшуров, казалось, не было предела, а извозчики сменяли друг друга почти через сутки. Гремманн, Йерги, Глая. Снова Йерги. И только сейчас, когда Малкут пришел в себя, Харот остался далеко позади, а Цепь Саила сменилась холмистой местностью и уперлась в лес Семи, Гремманн разрешил, наконец, сделать привал

На поляне уже был накрыт импровизированный стол и сытная мясная похлебка разносила по округе чарующий аромат свежей баранины и тмина, когда на горизонте появилось размытое, плывущее в вечернем марева пыльное пятно. Двое всадников гнали коней по направлению к лесу Семи. Гремманн, наводящий порядок в желтой повозке, спрыгнул на землю и приложил ладонь козырьком ко лбу.

Спустя пару минут уже можно было различить ярко-алые плащи незваных гостей и золотые уздечки тонконогих скакунов. Позолоченные копыта сверкали в лучах закатного солнца.

Руководитель группы нахмурился и дал короткую команду левой рукой. Это даже командой назвать было сложно, однако те, кому она предназначалась среагировали моментально.

Уже через мгновение в руках Йерги оказался внушительного размера композитный лук. Тонкий, с резным костяным грифом и древком, покрытым эластичными и прочными сухожилиями дикого вепря. Великан легко установил грозное оружие, а Влат закрепил на нем стрелу с ярким оперением, и замер, ожидая следующую команду.

Гремани кивнул и болт оттолкнулся от тетивы с резким, высоким звуком разрезая воздух. Малкут затаив дыхание следил за смертоносным полетом, но, когда до всадников осталось всего несколько метров, стрелу окутал сиреневый дым, и она разлетелась роем бирюзовых и желтых бабочек. Морок, закрывающий всадников все это время, дрогнул, обнажая обычную, изрядно запачканную походную одежду, хансулатские накидки и убирая золото со сбруи и лошадиных ног. Всадников неожиданно стало трое.

Гремани усмехнулся в усы и удовлетворительно кивнул.

– Наши, – тихо выдохнула стоящая рядом с Малкутом Глая.

Напряжение, все это время висевшее над опушкой грозовой тучей, растаяло, как дым, сменившись звенящим ожиданием.

– Слава Дракону, – шепнула женщина, погладив мальчика по плечу.

Вблизи путники оказались еще более перепачканными, чем издали. Мужчины осунулись и, несмотря на неровный загар, были бледны. Лицо Фоукса закрывала мягкая замшевая маска, некогда белая, но сейчас потерявшая свой ослепительный цвет. Гремани крепко пожал мужчинам руки и Малкут увидел, сколько благодарности таило это молчаливое рукопожатие.

Алания был высоким, светловолосым и светлоглазым мужчиной, одетым в черную, запылившуюся в дороге монашескую рясу северного края, в жестком воротничке которой сияла вставка из тонкого, ограненного аквамарина. Черты его лица, начиная с тонкого носа, заканчивая упрямым волевым подбородком, заросшим жесткой щетиной, были резкими, а взгляд зеленых глаз цепким, как гарракские гончие.

Третьим всадником, когда путник скинул платок с головы, оказалась девушка. Смуглокожая, с огромными серебристо-серыми глазами, густо подведенными сурьмой и игривыми иссиня-черными кудряшками. Волосы запачкались с дороги, а усталость выбелила полные губы, но она при всем при этом она оставалась невероятно красивой.

Малкут уже знал, что с трупной путешествовать некая Лиска, но не знал, что девушка была самой настоящей цыганкой. Он неуютно поежился, но не успел ничего сказать, как вдруг полог одной из повозок – той, что была запахнута плотнее всех и имела нежный бежеватый оттенок кофе с молоком – отогнулся и на землю немного неловко и грузно спрыгнул бес. На его плече гордо задрал облезшую голову восседал Зорька. Сердце Малкута прыгнуло к горлу и он, издав не то вздох, не то стон порывисто бросился к другу, не обращая внимание на весь окружающий мир, и обнял.

Берк поморщился, едва устояв на ногах, а Зорька, гаркнув что-то с негодованием, спорхнул на землю с грацией подстреленного индюка. Хлопая давно не используемыми по назначению крыльями, он рассказал собравшимся все, что думал о человеческой импульсивности, но Малкуту было совершенно все равно. Мир плыл перед глазами, и ему пришлось уткнуться другу в плечо лицом, часто моргая.

– Не реви, – голос беса был слабым и глухим, но очень довольным.

– Я и не реву, – всхлипнул Малкут.

Отпустив, наконец, беса, мальчик вытер нос рукавом своей рубахи и смахнул предательские слезы.

– У меня Тень, – гордо сообщил он, ткнув пальцем в землю, где, мешаясь с сумраком деревьев, у его ног лежало темное, бесформенное пятно.

Берк рассмеялся, помогая Зорьке забраться обратно на его плечо.

– Знаю. Сам шил.

Идиллию прервал неопределенный звук, вырвавшийся у Алании. Клирик ни то фыркнул, ни то кашлянул и, смерив мальчиков холодным взглядом, молча пошел прочь – куда -то к клетке с яшурами.

– Не берите в голову, – подошедший к мальчикам светловолосый мужчина улыбнулся и побратски похлопал их по плечам, – у нашего святоши премерзкий характер. В отличие от меня. Я Влат, – он пожал им по очереди руки, – давайте знакомится, наконец.

Спустя пару часов, когда импровизированный стол был собран после сытной трапезы, солнце окончательно скрылось за неровной линией горизонта, а Фоукс развесил вокруг лагеря непонятные, пушистые комочки, излучающие мягкий, рыжеватый свет, Берк с Малкутом остались вдвоем. Привалившись спиной к колесу переданной им в полное распоряжение бежевой повозки, бес чесал крупный слегка слоющийся клюв Зорьки. Птица распушила нищее оперения и, прикрыв глаза от удовольствия, издавала тихие мурчащие звуки. Малкут отрешенно наблюдал за ними, сидя на уже остывшем до приемлемой температуры камне каю. За неполный день сын наместника познакомился с большим количеством людей, чем за всю свою жизнь и от этого голова шла кругом. Бродяги оказались приятными людьми. Влат и Йерги были добродушными весельчаками, хотя рост темнокожего великана сперва напугал Малкута, а длинный, пересекающий широкий нос рубец заставил судорожно сглотнуть и позволил разгуляться фантазии. Кхан хмурился и не сорил словами, но он так общался со всеми, поэтому поставившие на уши весь Харот друзья могли не принимать это на свой счет. Фоукс сейчас казался еще более изящным, чем в их первое знакомство, с хорошими, едва ли ни княжескими манерами, и он очень открыто принял ребят, с упоением описав во всех красках их с Аланией и Лиской уход от погони. Цыганка вызывала у мальчика неопиcуемый восторг вперемешку с суеверным ужасом. Даже он, при всей своей нелюбви к книгам, знал, что кочующий народ – опасное племя. Не принадлежащие ни одному Дракону и отлученные от его Храма эти люди были единственные, кто обладал исходной – первоизданной – магией, поэтому им не нужно было *благословение* Дракона, чтобы творить волшебство. Они не обращались к сущности стихии в своей груди, потому что считалось, что ее у них вообще нет. Несмотря на это о мощи их колдовства ходили легенды. Цыгане не подчинялись наместникам, избрав своего Короля, в подчинении которого находились все семь существующих по эту сторону разлома таборов. Говорили, что Королевский табор почти не кочевал, а сидел где -то на севере Асханна в лесах Мадея. Остальные свободно путешествовали по свету – чаще всего по собственному тракту, на который не решались выезжать другие путники, выбирающие хорошо знакомый и достаточно безопасный путь Торгового союза. Племя даже ходило под парусами до ближайших островов Северного моря и было вне закона в нескольких провинциальных городах Баира, но кочевникам, правда, и самим не охота было совать туда свои смуглые носы. Гремманн же с Глаей вообще напоминали родителей этой странной, разношерстной семьи. Только Алания отнесся к чужакам совсем холодно, но Берк, покачав головой, посоветовал Малкуту не думать об этом.

– Что мы теперь будем делать? – осторожно спросил мальчик друга.

Бес задумчиво вздохнул, втягивая свежий влажный запах хвойного леса, и кашлянул. Зорька, нежно поклевывая его за пальцы, спрятал голову под крыло. Берк осторожно поднял птицу и, отогнув матерчатый полог бежевой повозки, запустил его туда, подтолкнув ладонью к бесформенной груде тряпья под которые он заранее положил несколько каю, чтобы Зорька не замерз ночью. Сокол удовлетворенно крякнул и, усевшись в импровизированное гнездо, уснул.

– В столицу мы не вернемся, – сразу отрезал Берк, возвращая тент на место, – но и циркачей обременять не станем. Как только лес Семи останется позади, их путь ляжет по обычному маршруту. Трупна посетит Хансулат и двинется его восточными землями напрямик к Годро. Там зазимуют и только в месяц новой земли соберутся обратно в Асханну.

Благодаря тому, как мастерски Фоукс обдурил воинов Наместника, позволив себя догнать только к исходу недели и обыграв все так, что ни у кого не заронилось и мысли о причастности Бродяг к пропаже наследника, труппа могла позволить себе вернуться на юг вполне спокойно. Чем и собиралась воспользоваться следующей весной.

– Мы с ними до северного княжества не дойдем, – продолжил бес, – примерно на полпути до туда возьмем восточнее, попадем к Разлому через оазисы Хансулата и перейдем по Мосту Сулатиллари на мою родную землю.

Малкут ахнул, глядя на друга широко распахнутыми глазами.

– На темную сторону? – воскликнул он и тут же поспешно прикусил язык.

Бес не обиделся, только хмыкнул.

– Не хочу вмешиваться в привычную для тебя картину мира, Малли, но та сторона не такая темная, как о ней принято думать.

– Разве не те существа развязали войну? – осторожно спросил мальчик.

Берк наморщил лоб и смущенно почесал затылок.

– Войну развязали Драконы. Те самые, что велением Сулатиллари должны были растить и оберегать вверенный им народ. Люди – орудие в их руках.

– Сулатиллари мог этому помешать, – жестко сказал Малкут, – а орудие отказаться воевать, отказаться убивать друг друга, восстать.

Берк тихо и совсем невесело рассмеялся.

– Я не говорил, что они умны и сильны духом. Стадом легко управлять. И еще легче управлять доверием. Крылатым Повелителям доверяли, как самому Сулатиллари, и, к сожалению, это не привело ни к чему хорошему. Люди могут быть бесхарактерными и глупыми, но это не делает их «темными». А судить Творца я вообще не берусь.

Малкут задумчиво сощурился, серьезно размышляя над произнесенными словами. Внутри его терзали все те же вопросы, что и в самом детстве. Как мог Творец допустить такое? Иногда ему казалось, что если бы все люди на земле были такими, как его «нечестивый», жизнь стала бы куда лучше.

– А там куда? – через какое -то время спросил он друга.

– Там у меня... семья... – извиняющимся тоном ответил бес.

– Семья, – эхом ошарашено повторил Малкут.

Он никогда и не задумывался, что у беса могла быть семья. И не та, что ждала его возвращения за Последней Чертой в виде полыхающей адовым пламенем крысы, а настоящая – с родителями, сестрами и братьями, возможно любящим дядюшкой или ворчливой, но доброй бабушкой.

– Ты никогда не говорил, что у тебя есть семья, – шепотом произнес Малкут.

– Ты никогда не спрашивал, – рассеяно объяснил бес, – я не самый положительный персонаж в твое жизни, Малли, мне казалось, чем меньше ты знаешь, тем лучше.

Мальчик закусил губу, скривив рот в недовольной гримасе.

– Что ты имеешь в виду? – решил уточнить он.

Берк устало вздохнул, предвкушая неприятный и очень долгий разговор, не без труда опустил на землю перед повозкой и сказал:

– Такие, как я, не обитают среди живых. Мы приходим ненадолго, как бестелесные духи, пакостим, пугаем народ, несем весть смерти, но после возвращаемся обратно в преисподнюю, не задерживаясь в этом мире. Однако мой случай слегка отличается от описанного. Знаешь, чем?

Он и так предполагал ответ на этот вопрос, но дождался пока друг сядет рядом с ним и отрицательно покачает головой.

– Я появился, как живое существо. Я родился, случайно затерявшись в Пластах мира. Это редкость, но так происходит. Когда такое случается, огоньки души нечестивого ищут приют

в мире живых. Нужна пустая, самая незащищенная от вторжения извне, не освященная оболочка. Тело умершего при рождении ребенка – идеальны сосуд. Огненная сущность нечистого вспыхивает в мертвом теле, запуская сердце по новой и толкая кровь бежать по венам. Сначала это воспринимается, как чудо, но при *наречении*, когда ребенку дают имя в Храме Дракона, то, что было ребенком превращается... в меня... когда так происходит нас, чаще всего, уничтожают, в храмах для этого стоит специальная чаша – Пасть Дракона – с Чистой Силой крылатого Повелителя. Ребенка просто швыряют туда, и телесная оболочка сгорает, а дух беса изгоняется обратно в Хода Огненной Крысы.

Малкут слушал, затаив дыхание, и Берк тяжело вздохнув, продолжил:

– Но мать ребенка, чье тело я занял, не смогла так поступить. Вместо того, чтоб кинуть меня в Пасть Крас'каята, она бежала с *наречения*, и отнесла меня в единственное место, где мне сохранили бы жизнь. Через весь стан она шла к своей цели и оставила меня на крыльце Храма Дракона Металла.

Монахи этого Дракона не оставили храм даже после смерти своего Повелителя. Они ценят любую жизнь, пришедшую в подлунный мир и убийство для них – самый страшный грех.

Когда я подросток, сам понимаешь, жизни мне не было. Все меня боялись, как самой смерти, так что старый храм я почти не покидал. Изредка ночью убегал украсть что-нибудь съестное. Большинство монахов металла приняли голодовку, на их пайке из родниковой воды и пресного хлеба мне было не прожить. В одну из таких ночей я столкнулся с Тарой. Мне было четыре, наверное, и я подкараулил ее, когда она возвращалась с полевой работы. Как сейчас помню, Она несла домой корзину свежих овощей, прикрытый двумя ветками бузины. Но меня светлое дерево не отпугнуло.

Если Тара и испугалась, то вида не подала. Когда я потребовал отдать корзину, она только спокойно спросила зачем.

Берк улыбнулся, вспоминая.

– Я был так удивлен ее выдержкой, что вместо угроз, ответил честно. Сказал, что голоден.

Она пожала плечами, ответив, что дома ее ждут такие же голодные дети. И добавила, что одними овощами я сыт не буду, а если пойду с ней – она сможет накормить меня еще и мясом. Живое существо впервые не только не отвернулось от меня, но пригласило в свой дом. Я был так шокирован, что последовал за ней. Мы шли по Плотской, миновав знакомый мне поворот к храму и свернули в противоположную сторону. Булочная осталась по левую руку, а мы уходили все дальше от центра к окраине. Дом Тары располагался за внешним кольцом городских стен, потому что ее семья была очень бедной и не могла себе позволить ничего кроме сбитой на скорую руку, покосившейся от времени лачужки. Муж-кормилец умер пару лет назад, и она осталась совсем одна с пятью маленькими детьми. Я стал часть этой семьи. Риксу и Дэри – двум старшим сыновьям – было по десять лет, и они уже работали на угольном заводе. Хорошо, в «белом» отсеке, куда не попадала гарь, газ и угольное крошево.

Асея – средняя дочь – моя одногодка, но когда мы познакомились, она была при смерти, так что я плохо ее помню. Две младшенькие – Тесси и Пэг – росли практически у меня на руках. Им едва исполнилось три. Тара работала на двух работах, выращивала какие-то овощи по мере возможности, но за внешней стеной города почти сразу начинался березовый лес. Земля рядом с лачугой была жирная, но не плодоносная.

Семья хоть и оказалась бедная, но то радушие, с которым я был принят в нее, не встречалось мне больше ни с одной стороны Разлома. Они жили впроголодь, однако Тара всегда находила, чем накормить лишний рот. Никогда ничего не жалела для меня, учила и защищала, как собственного ребенка и, возможно, я даже был счастлив в те годы, пока однажды все не переменялось. Той ночью мы, как всегда, ждали Тару дома, но ее долго не было. Я уже места себе не находил, когда она, наконец, вошла в дом, вся в синяках и страшных кровоподтеках. Городские закидали ее камнями, за связь с нечистивым. Она спокойно смыла кровь, и улыбаясь

сказала мне, что все в порядке, но я больше не мог подвергать семью такой опасности... Я бежал так далеко, как смог. Прочь из города, через весь Такаир и Варгард, а потом и через сам Разлом. Смутно помню те дни, я просто мчался прочь, словно все заместники мира спустили на меня своих Знахарей с *благословением* Дракона. Но моя семья осталась там. Прошло много времени, и я, кажется, чувствую в себе силы вернуться и, при необходимости, защищать их.

Малкут молчал, шурясь на мягкий свет, повешенных Фоуксом «фонарей».

– Хорошо, – наконец, сказал он, – это какой никакой, а план. Лучшего у нас все равно нет.

Они какое -то время посидели молча, вслушиваясь в тишину ночного леса, а потом собрались спать.

Берк тяжело поднялся на ноги.

– Ты в порядке? – взволновано спросил Малкут, которого беспокоили изменения, произошедшие с бесом. Тот стал каким -то тихим и малоподвижным, бьющая из него ключом энергия куда -то делась, он ссутулился и осунулся.

– Я в норме, – отмахнулся он, – мне крепко досталось, но я восстановлюсь.

Малкут нахмурился, но не успел вступить в спор, как на опушку вышел клирик. Он неспешным шагом подошел к ребятам и обратился к Малкуту, не глядя на беса:

– Малкут, я могу поговорить с тобой наедине?

Мальчик с сомнением смотрел на священника, а Берк, сложив руки на груди, не без агрессии бросил:

– Что тебе надо?

Алания дернул головой:

– Я не с тобой говорю, *онис*.

Краем глаза Малкут заметил, как Берк вздрогнул. Это слово он уже слышал в дворце отца. Димирь точно также назвал беса до того, как в Тронном зале наступило настоящее сумасшествие.

– А что такое, – голос беса стал приторно сладким, от такой перемены стоило ждать беды, – *apostate* считает ниже своего достоинства говорить с нечистивым?

Алания дернулся, как от пощечины и, кажется, собирался ответить на словесную атаку физической, но его остановили.

– Хватит, – голос Малкута был непривычно холодным и властным. Не дрожал, несмотря на то, что внутри мальчика трясло. Берк удивленно глянул на друга, ругнулся и похромал прочь, махнув рукой. Спустя мгновение он скрылся в повозке.

– Что ты хочешь? – спросил Малкут.

– Поговорить, – голос клирика стал теплее, он примирительно поднял руки ладонями к мальчику, а в уголках зеленых глаз легла паутина тонких морщин, – я безоружен и не желаю тебе зла. Пойдем пройдемся.

Малкут бросил недовольный взгляд на повозку, в которой исчез бес и коротко кивнул.

На небо неторопливо, как морская черепаха, выползла луна, ее хорошо было видно на синем бархате это безоблачной ночи. Она светила, как огромный уличный фонарь на главной алее яблочного сада Диры, где росли сочные алые фрукты, которые доставляли по тракту Торгового союза и в Асханну и в самые далекие уголки Хансулата. Светило зависло так низко над линией горизонта, что нижняя ее часть приобрела насыщенный румянец. Звезды сияющим просом рассыпались над головой и млечный путь, казалось, можно было пощупать руками. У Малкута перехватило дыхание от всей этой красоты, которые всегда скрывали от него дворцовые стены.

– Что ты хотел, – отвлекая себя от мыслей повторил свой вопрос мальчик.

Они отошли уже достаточно далеко от лагеря и стояли посреди бескрайнего, высушенного летней жарой поля. Чуть в стороне осталось несколько больших валунов каю. Алания

стоял, сцепив за спиной руки в замок. Он какое -то время помолчал, но не стал ходить вокруг да около:

– Ты знаешь, кто твой друг?

Малкут хмыкнул, пнув носком небольшой камешек спрессованного песка. Тот разлетелся мелким крошечком, по касательной задев круглый бок каю.

– Бес, – коротко ответил мальчик.

– Это не то, – качнул головой Алания, – ты знаешь его суть?

– *Онис*, – уточнил Малкут, и клирик осторожно кивнул.

– А ты знаешь, что это значит?

Малкут ответил самым скучающим из своих голосов:

– Если быть до конца честным, не думаю, что мне это интересно.

– И тем не менее, – священник не собирался отступать, – бесы темные существа, которые рождаются...

– В телах мертвых новорожденных, я в курсе, – прервал повествование Малкут.

Он нервничал и чувствовал себя неуютно под взглядом внимательных зеленых глаз, и еще больше ему было неопытно обсуждать своего друга с малознакомым и не внушающим доверия человеком.

– А знаешь ли ты, что бес питается страхом болью и отчаянием тех матерей, что потеряли своих детей? Чтобы получить силу, достаточную для задержки в этом мире, они, как ласские пиявки сосут из этих несчастных жизнь.

Этого Малкут не знал и за полчаса под раскинутым над ним бесконечным искрящимся небом Алания рассказал ему больше информации о его друге, чем он слышал за все свои 13 лет.

Онисом называли редкий вид нечистой силы. Это карающий бес – зверь, который в преисподней мучал и истязал души умерших грешников за все их недостойные земные дела. Такие бесы редко покидали свою обитель, но, если вдруг оказывались в подлунном мире – тварей более жестоких сыскать было трудно. Изгнать же такого нечистого за Последнюю Черту тоже было непростым делом. Матерью – Огненной Крысой – им были дарованы три жизни и только потратив все, *онис* отправлялся туда, где ему было самое место, вот только топить души в смоле они больше не возвращались. Побывав в подлунном мире такие бесы по возвращении отправлялись на вечные скитания по подземным ходам Огненной Крысы, без возможности вернуться куда-либо. И однажды были обречены свернуть в туннелях направо вместо своего извечного левого пути и сойти с ума.

Малкут равнодушно пожал плечами. Раньше подобный рассказ напугал бы его до чертиков, заставил переживать и плакать, а сейчас мальчик чувствовал только отупляющую пустоту.

– Чего ты хотел добиться своим рассказом?

Алания глубоко вздохнул и пристально посмотрел на мальчика.

– Он убивал ни в чем неповинных людей. Ты дитя Сулатиллари. Чистое, непорочное создание. Тебя это не коробит?

– Он убивал людей, потому что Сулатиллари сделал так, что вырезать мне сердце на жертвенном алтаре оказалось хорошей идеей. Так что мне сложно на Берка злиться, – хмыкнул Малкут.

Клирик нахмурился, резко ткнув пальцев в темное пятно под ногами мальчика. В свете полной луны его Тень казалась невероятно густой, как будто даже плотной.

– Это принадлежало человеку, который никак не желал тебе зла. Онис убил его, не колеблясь ни минуты. А душа мужчины теперь никогда не упокоится и будет вечно метаться вдоль Последней Черты без возможности предстать перед Творцом. Понимаешь на что твой друг его обрек? – Алания стал явно терять терпение.

Эта новость если и поразила мальчика, то он не подал вида.

– Он убил себя, чтобы спуститься в Хода и заключить сделку с самой Смертью, только для того, чтобы выхватить твою душу у Сулатиллари, к которому ты имеешь право примкнуть по праву рождения, если не справишься со своей Силой. Это не забота о тебе, а лишь попытка насолить извечному врагу. Мне кажется, ты слишком плохо знаешь своего так называемого друга!

Малкут резко дернул плечами, подаваясь к клирику, которому едва доставал макушкой до плеча, но каким -то образом умудрился посмотреть на него свысока.

– Слушай, – переходя с уважительного и отчужденного «вы» на резкое и совсем не дружественное «ты», – если я правильно тебя понял, мой так называемый друг потратил одну из своих жизней только для того, чтобы поймать призрачную возможность спасти меня от смерти и не навязывать мне сомнительную судьбу отхода за Последнюю Черту в тринадцатилетнем возрасте. Примкнуть к Сулатиллари? Тому самому, что не спас мою мать при родах, и тому самому, что позволил Знахарю почти убить меня? Спасибо, не хочется. Берк рисковал не только никогда не вернуться из подземных туннелей, но и сойти с ума, просто свернув не на ту тропку. Кроме того, едва не погиб, защищая меня во Дворце. Так что, если я ничего не упустил, мне кажется я знаю о своем друге достаточно!

Алания открыл рот, чтобы что -то возразить, затем захлопнул, его тонкие губы сжались в одну линию и он, крутанувшись на каблуках, пошел к лагерю резкими, размашистыми шагами.

Малкут хмурясь провожал его взглядом, чувствуя, как бешено лупится о ребра сердце.

Вдруг Алания замер, слегка сгорбился, словно собирался сделать что -то чего делать не хотел, а затем обернулся.

– Ты – дитя Сулатиллари, как бы ты ни судил его, и мой долг защищать тебя и всячески помогать, – хрипло гаркнул он, -только поэтому я скажу. Твой бес умирает. Он плескал своей силой направо и налево, убивая дворцовую стражу без жалости и раздумий, и его духовная оболочка треснула. Теперь сила будет сочтена из него до тех пор, пока полностью не иссякнет. И как только это случится, он умрет. Если вы решили бежать за Разлом, имей в виду – он до него не дотянет и, если мои предположения верны, на этот раз из Крысиных Ходов он не вернется.

Клирик ушел, не дожидаясь ответа Малкута, а может просто не желая его слушать.

Плечи мальчика печально опустились, и он глубоко вздохнул.

– Может выйдешь уже, – тихо проговорил он.

За гладким боком валуна каю что -то негромко шаркнуло и показался бес.

– Когда собирался мне сказать? – спросил мальчик, глядя в черные глаза друга.

– Что конкретно? – невинно уточнил Берк.

– Все. В частности, что умираешь.

Бес задумчиво пожевал губами и смущенно почесал затылок.

– Не собирался вообще, – он привалился к гладкому боку валуна, – не думал, что это имеет значение. Апостата ошибается. Я дотяну до Разлома и даже дальше. Если повезет.

– Ну ты и кретин, – произнес Малкут, закусив губу.

Берк только дернул хвостом, и мальчик едва заметно улыбнулся, увидев в бесе своего прежнего друга.

– С днем рождения, кстати, – вдруг задумчиво бросил тот и что -то протянул Малкуту.

События последних дней начисто вытеснили из головы ставшее таким малозначимым событие и бывший наследник опешил.

– Ну же, она не кусается, – усмехнулся бес.

Малкут забрал с ладони друга простенький грубо дубленный шнурок и прикрепленную к нему подвеску, сделанную из мутно- белого камня и изображающее крыло Дракона.

– Я не знаю даже, что сказать, – шепнул Малкут.

– Теперь ты как за пазухой у Сулатиллари, – довольно проговорил бес, а друг его нахмурился.

– Сомнительное место... пока то, что делает Творец с моей жизнью мне не очень нравится...

Бес посмотрел на Малкута с сомнением, но не стал ничего возражать:

– Идем спать, под солнцем лучше думается.

Малкут, однако, неуютно поежился и покачал головой, все еще глядя на свой подарок.

– Я приду позже, я хочу... хочу побыть один, – не дожидаясь возмущения беса он пошел прочь – еще дальше от лагеря. А Берк, раздраженно дернув хвостом, растворился в ночи.

Летние месяцы не баловали темными временем суток. На горизонте уже залегла тонкая светлая линия. А луна, поменяв расцветку с беловато-красной на бледно голубую, наполовину спряталась за горизонт. Малкут подобрал под себя ноги и сел на остывшую землю. Еще неделя минет и ночи тут станут совсем холодными, а днем воздух будет раскаляться до треска. Месяц рыжего пламени был знаменит крайностями своих температур и расцветающей по пути Торгового союза кроваво-красной астильбой.

Мальчик положил крыло перед собой, бесформенная клякса его Тени под ногами стала еще чернее, как разлитый по мостовой битум.

– Ну и что прикажешь теперь делать, – спросил он, чувствуя безграничную тоску.

Темнота, конечно, не ответила, но вдруг дрогнув пошла рябью и оторвалась от земли, сложившись в силуэт высокого, аляповато тонкорукоего и тонконового, слегка ссутулившегося человека, с овальной головой. Малкут хотел заверещать, но у него просто не осталось сил, поэтому он только шатнулся в сторону, уставившись на происходящее во все глаза. Тень временем протянула ему черную маслянистую руку и легким движением закрепила узелком поднятую с земли подвеску. Поднявшись на ноги, мальчик осторожно пожал протянутую ему затем ладонь. На вытянутой голове тени появилось очертание аккуратного цилиндра, и она учтиво сняла его с головы и слегка поклонилась.

– Очень приятно, – заикаясь пролепетал мальчик.

Тень двигался плавно, перетекая с места на место. Теряя форму и приобретая ее снова. Он приобнял мальчика за плечи и тот с удивлением почувствовал, какая тьма мягкая, горячая и совершенно материальная на ощупь.

Тень легонько повернул мальчика лицом на восток, но немного севернее того места, где расположился лагерь. Малкут не успел и моргнуть, как она перетекла к левому плечу и указала длинной рукой с тонкими паучьими пальцам куда-то вдаль.

– Туда? – непонимающе спросил Малкут, – надо идти туда?

Тень важно кивнула и спустилась ближе к земле, нарисовав на сухой почве кляксу, а в центре нее елочку.

– Это лес? – довольно зашелестев, Тень снова кивнула, затем начертила в большой кляксе, пятно поменьше.

– Это? – Малкут растерялся.

Тень подняла руку к самому лицу мальчика. С ее пальцев на землю с глухим звуком закапала темнота.

– Капли? Это вода? – на лбу мальчика залегла складка, но Тень вновь подтвердила догадку мальчишки.

– Это вода в лесу? – отгадывать шарады было на удивление нетрудно, Малкут на интуитивном уровне отгадывал загадки своей Тени. Тьма показала поднятый вверх большой палец.

– Мне нужно к этому лесному озеру? – уточнил мальчик, но в этот раз его новый молчаливый товарищ покачал головой отрицательно.

На мгновение тень потеряла форму, а затем вдруг материализовалась в силуэт с козлиными ножками, и длинными крючковатыми рогами, и, хотя на Берка это походило мало, Малкут понял, что перед ним его бес.

– Берку нужно к этой воде, – тем не менее уточнил он.

Тень отчаянно закивала, от чего цилиндр ее слегка съехал, и мальчик невольно улыбнулся.

– Это спасет его?

Очередной кивок заставил Малкута порывисто броситься на шею этой странной, невесты откуда взявшейся живой тьме.

– Спасибо, спасибо... спасибо...

Тень качнулась и опала к ногам, но не успел мальчик отругать себя за свою импульсивность, как из бесформенной тьмы под ногами показалась голова и кисть руки. Учтиво приподняв цилиндр, она кивнула и вновь опала на землю.

Шаг четвертый

Солнце давно ушло с зенита и бродяги стали потихоньку вылезать из своих повозок. После безумных скачек Гремманн дал своим товарищам как следует выспаться, не собираясь больше без продыху гнать уставших яшуров. Теперь в его планах было взять восточнее и дойти по самой кромке леса Семи до пустующего в летние месяцы пути торгового союза. Идти предполагал только ночью, так как изнуряющая жара за неделю путешествия довела до изнеможения каждого артиста. Когда труппа на скорую руку позавтракала, одновременно пообедав и стала уничтожать свидетельства своего присутствия на безымянной лесной опушке, Малкут подошел к Гремманну. Утром мальчик вкратце описал другу, что случилось ночью, упустив, правда, что информацией о чудесном озере с ним поделилась его собственная тень. На резонный вопрос Берка, откуда у него такие знания, Малкут уклончиво ответил, что когда-то об этом читал, с удивлением чувствуя, как в груди вместо привычной боли не рождается... ничего. Темное деяние – ложь – не вызывало больше никаких неудобств. Берк, зная любовь друга к книгам, конечно ему не поверил, но допытываться не стал, он старался беречь любые крупинки физической и духовной силы.

Руководитель труппы немного озадачился просьбой мальчика кое-что обсудить, но кивнул и рукой пригласил пройти к задним стойкам желтой повозки.

Пока коренастый мужчина затягивал бечевку тента на стальных клиньях, Малкут рассказал ему, в какой беде оказался бес.

Гремманн кивнул, обозначив, что для него это не новость.

– Я не имею права вас просить, вы и так сделали для меня такое, за что я никогда не смогу отплатить сполна, но мне нужна ваша помощь.

Гремманн дернул подбородком, покрытым жесткой седой бородкой, веля мальчику продолжать.

– Восточнее этих земель, в чащобах леса Семи лежит озеро. Оно поможет Берку.

Брови Гремманна взлетели вверх.

– Каким образом? – из повозки на землю соскочила Глая и немного встревожено посмотрела на мальчика.

– Я не совсем уверен, – робко ответил тот, – но думаю, что ему нужно будет погрузиться в его воды.

Гремманн дернул плечом и Глая попросила сына Наместника оставить их на какое-то время.

Бес выбрался из повозки и потянулся, Малкут подошел к нему.

– Попросил старика проводить нас? – понял по его лицу Берк, и мальчик кивнул.

Бес вздохнул, отодвигая тент и доставая из гнезда сокола. Зорька, недовольный тем что его разбудили, закричал и хлопнул крыльями, затем нахохлился и отряхнувшись принялся чистить и без того редкие перья. Берк осторожно погладил его по голове и протянул сухарь. Зорька благодарно крякнул и с хрустом уплет угощение.

– Поставил их в неловкое положение, – отчитал бес мальчика, – они совестливые люди. Даже если захотят не откажут. Малкут пожал плечами.

– Я на это и надеюсь.

Теперь уже бес удивлено дернул бровью и пристально посмотрел на друга. Светлые кудри все также спадали на плечи, а лазурные глаза не потеряли блеска, но бес все рано отметил.

– Ты поменялся.

Малкут нахмурился.

– В чем, интересно?

– Раньше ты был таким простым и бесхитростным, а сейчас?..

Но Малкут отрицательно покачал головой.

– Я и сейчас бесхитростный. Я честно сказал тебе, что надеялся, что бродяги не откажут в помощи. Но не думаю, что при этом станут рисковать собой. Совсем невероятная удача, если они позволили примкнуть к ним хотя бы до торгового пути. И им бы я сказал то же самое, мне нечего от них скрывать. Мне просто не плевать на твою судьбу, так же, как тебе плевать на мою.

Бес насутился и хмыкнул:

– Апостата считает, что я забочусь о себе, а не о тебе.

Малкут равнодушно подал плечами:

– А мне все равно, что он считает. Я тебе задолжал.

– Даже если он прав?

Малкут кивнул:

– Даже в этом случае.

Черт обреченно вздохнул.

– Что значит Апостата? – неожиданно сменил тему мальчик. Берк задумчиво пожевал губами и немного наморщил нос:

– Вероотступник, если дословно. Так называют монахов Дома Имени предавших своего Повелителя. Совсем немногим людям была дарована честь служить Драконам напрямую в их Доме, но и среди них находились те, кто предавал веру, и несли в мир ересь.

– Каким образом? Отступники не верили в Драконов? – удивленно спросил мальчик, но бес покачал головой:

– Сложно не верить в Дракона, когда видишь его каждый день своими глазами. Но отступники подвергают сомнению их власть, их решения, их поступки. В большинстве своем они верят только в высшего Творца – Сулатиллари и не признают власть детей его.

Малкут хмыкнул:

– Они имеют привилегию каждый день следить за действиями Крылатых Повелителей, возможно их сомнения не лишены смысла.

Бес очень пристально посмотрел на друга, но ничего не сказал, отвлекшись, только кивком головы указал куда-то за спину. Греманн взмахом руки звал их подойти.

Минуя остывшие за ночь камни, расставленные вчера огромным поваром, они подошли на зов. Глая хмурилась и выглядела очень встревоженной.

– Греманн знает, какое озеро вы имеете в виду, хотя одному Лешраку известно, как вы о нем прознали, – Берк многозначительно посмотрел на друга, но тот и глазом не моргнул, Глая продолжила, – это пруд Тришах, расположенный в одноименной роще. До войны там была заключена сила дракона Земли, но вы должны быть готовы к тому, что после его смерти источник мог высохнуть и погибнуть. Это древнее место, и мы не думаем, что оно подпустит к себе чужаков, так что рисковать не готовы. Проведем вас до пути Тришах, по которому вы сможете попасть к озеру, но там и расстанемся. Мы подождем вас ровно три дня, но, если вы не вернетесь к третьему закату – уйдем на тракт и продолжим свое путешествие уже без вас. Надеюсь, вы нас поймайте.

Малкут отчаянно закивал.

– Спасибо вам, спасибо! – шептал он, сцепив руки и опустив взгляд – это гораздо больше, чем то, на что я мог рассчитывать.

Затем смутившись, он улыбнулся бесу.

– Мы пойдем приведем свою повозку в порядок, – воодушевленно сказал он, – скоро выдвигаемся.

Небо заволочли тяжелые, пузатые тучи и едва стройная колонна разноцветных повозок двинулась вдоль леса, как зарядил ливень. Все началось с мелкого, больше похожего на туманную морось, дождика, а закончилось тем, что хляби небесные разверзлась над головами путников и на землю с грохотом обрушилась непроходимая стена воды. Молнии сверкали каждую

минуту и небо готово было вот- вот рухнуть прямо на горе путешественников. Алания, закутанный в грязно- серый дождевик с подкладкой из лисьего меха, по очереди орудовал быстро замерзающими пальцами над колесами каждой телеги, накладывая на них причудливые металлические цепи, пока Гремманн впрягал в упряжь второго яшура. Минут десять такого косохлеста и земля под ногами раскиснет, как болота Бестэя по весне, когда дурно пахнущая, цветущая вода, густая, как кисель, заливала город почти до центральных площадей. Плетенные, широкие цепи увеличивали площадь опоры колесным реям, не давая телеге завязнуть в жирно чавкающем месиве, а короткие шипы, цеплялись в почву, как альпинистские кошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.